

ГУСАРИУМ

К 200-ЛЕТИЮ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОБЕДЫ

Богунин, Быстров, Володихин, Волков, Гриценко, Дорощев, Дынин, Ерофеев, Игнатев

**Вячеслав Дыкин
Игорь Черных
Дмитрий Богуцкий
Николай Калининченко
Алёна Шапкина
Андрей Щербак-Жуков
Александр Свистунов
Даля Трускиновская
Александр Владимиров
Александр Гриценко
Олег Быстров
Андрей Юрьевич Ерпылев
Ольга Дорофеева
Сергей Игнатьев
Алексей Алексеевич Волков
Владислав Русанов
Гусариум (сборник)**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989162
Гусариум: Снежный Ком М; Москва; 2013
ISBN 978-5-904919-49-8*

Аннотация

Лев Толстой с помощниками сочиняет «Войну и мир», тем самым меняя реальную историю... Русские махолеты с воздуха атакуют самобеглые повозки Нея под Смоленском... Гусар садится играть в карты с чертом, а ставка – пропуск канонерок по реке для удара... Кто лучше для девушки из двадцать первого века: ее ровесник и современник, или старый гусар, чья невеста еще не родилась?.. Фантасты создают свою версию войны Двенадцатого года – в ней иные подробности, иные победы и поражения, но неизменно одно – верность Долгу и Отечеству.

Содержание

Алексей Волков. Гусарская дорога	4
Владислав Русанов. Махолетного полка поручик	40
Олег Быстров. Пораженец	49
Даля Трускиновская. Ничей отряд	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Гусариум (сборник)

К 200-летию фантастической победы

Алексей Волков. Гусарская дорога

Присутственные часы подходили к концу, и в приемной губернатора было пусто. Впрочем, вошедший мужчина вряд ли бы стал ждать вызова. Темно-синий с золотом гусарский мундир словно придавал его владельцу дополнительную решимость. Если он, разумеется, вообще нуждался в ней. Не похоже было по его лицу, что офицер, довольно немолодой, кстати, привык ждать. Лихо закрученные пшеничные усы еще не были тронуты сединой, зато шедший по правому виску шрам говорил о прошедших войнах, в которых довелось участвовать, а два креста в петлице и Анна на шее – о проявленной в боях доблести. Однако тот же обезобразивший лицо удар заставил глаз слегка косить, и потому вид у мужчины был слегка звероватый.

– У себя? – коротко осведомился гусар у всё еще сидящего здесь секретаря.

– Так точно, ваше высокоблагородие, – секретарь встал и отвесил легкий поклон – эпоха располагала к почтению военных.

Дальше гусар слушать не стал. Сам отворил дверь, шагнул в кабинет и лишь у порога застыл, привычно щелкнув шпорами.

– Арсений! – Губернатор поднялся и двинулся навстречу гостю. – Рад тебя видеть!

– Я тоже рад, Павел Никитич! – Гусар улыбнулся. Улыбка у него была неожиданно доброй, как у юноши.

– Ну, проходи, садись. Всё успел сделать?

– Не без твоей помощи, дядюшка.

Разница в возрасте между племянником и дядей была лет десять, даже, скорее всего, меньше, но есть еще старшинство родственное, заставляющее Раковского обращаться к губернатору по имени-отчеству.

– Когда едешь?

– Обоз отправляю завтра с утра, а сам пушусь вдогон через пару деньков. Раз подвернулась оказия, надо хоть в имение заглянуть. Когда еще придется?

– Тоже верно. Погоди, я сейчас распоряжусь насчет вина.

Раковский лишь подкрутил ус. Вино у Каверина было отменным, и почему бы не выпить стаканчик после трудов праведных?

Слуга явился мгновенно, словно ждал за дверями. Важно разлил рубиновый напиток, застыл, однако губернатор движением руки отпустил его прочь.

– Зря ты, Арсений, вновь вступил в службу. Долг чести ты уже выполнил, мог бы отдохнуть на покое, – произнес Каверин после первого глотка. – Нам здесь тоже люди нужны.

– Павел Никитич, не годен я к гражданской службе, – улыбнулся гусар. – От всяких бумажек плохо становится. А в деревне... Не то время, чтобы по поместьям отсиживаться.

– Да, не то... – повторил за ним губернатор. – Но в войне грядущей, большой, не только вооруженной силой победа будет решаться. Но еще и снабжением, подготовкой резервов и многим другим.

– Да я всё понимаю, дядюшка, – однако серьезного тона гусар не выдержал и хохотнул. – Попервоначально было мне предложено заняться подготовкой рекрутов для кавалерии. Мол, вакансии в вашем Изюмском полку сейчас не имеется. Хорошо, Барклай понял мою душу, определил к Меллеру в Мариупольский. Полк славный, последним на поле чести не будет.

– Всё тебе бы на рожон переть, да в первых рядах, – без осуждения заметил Каверин.
– В последних смысла нет, – вновь хохотнул Раковский. Он успел опустошить стакан и теперь поглядывал на бутылку.

– Весь в покойного родителя. Тот тоже, бывало, даже команды не дожидался, мчал вперед сломя голову.

Каверин собственноручно разлил вино, потом вздохнул.

– Ты бы женился. Не ровен час сложишь голову и даже наследника не оставишь.

– Староват я для женитьбы, дядюшка. Раньше надо было бы, да служба не отпускала.

– Служба... Ты же пять лет в отставке провел. Сколько мамаш с вожделением на тебя поглядывали да дочек выдать хотели!

– Пустое. Не хочу себя связывать цепями этого... как его? Гименей. Вот! – с радостным смешком вспомнил гусар. – Да и вообще, не родилась еще моя невеста.

– Пока родится да подрастет, совсем стариком станешь.

– Значит, судьба, – довольно улыбнулся Раковский. – Холостяком мне нравится намного больше. Да ну их всех! Одна морочка!

– Ах, Арсений, Арсений, – покачал головой губернатор, однако осторожный стук в дверь прервал поток его сетований.

– Ваше превосходительство, господин полицмейстер сообщение прислали, – застыл в проеме секретарь.

– Что там еще?

– Задержаны двое странных людей. Не то шпионы, не то сумасшедшие, не то беглые.

– Он что, сам разобраться не может?

– Не ведаю-с, – секретарь развел руками.

– Шпионы – это интересно, – Раковский даже отставил в сторону стакан. Левая бровь приподнялась. – Никогда не видел живых шпионов.

– А сумасшедших? Или беглых?

– Этого добра навалом, – отмахнулся гусар.

– Ну что ж, пойдем, взглянем на шпионов, – вздохнул Каверин.

В бесконечной череде дел, свалившихся в преддверии войны, свободного времени у него было мало. А тут даже с племянником не посидишь.

– Хотя, – вдруг переменял решение губернатор, – пусть-ка их доставят сюда. Что нам зря ходить?

– И то верно, – согласился с дядей привставший было гусар.

К чему куда-то идти, когда на столе хорошее вино, а рядом – близкий родственник?

Гроза собиралась всю вторую половину дня. Она намекала на грядущее торжество повисшей безветренной духотой, только много ли значили ее намеки? Начало мая выдалось на редкость жарким, да, собственно, уже в апреле потеплело так, что народ стал быстро избавляться от курток, а затем и свитеров, досрочно переходя на летние одежды. А тут как назло еще дорога подвернулась такая, что настоящей скорости не дать, и врывающийся в открытые боковые стекла встречный ветер несет не столько прохладу, сколько всё то же тепло.

– Продует нафиг! – вдруг заявил сидящий за рулем Санек, поднимая стекла. – Потом простынем!

– Стушиться лучше? – съехидничала Юлия. Ветер хоть обдувал, не давал майке промокнуть от пота.

– Лучше вообще было не ехать к твоей подруге в такую даль! – огрызнулся Санек. Широкоплечий, среднего роста, с длинными, забранными сзади в хвост волосами, с несколько высокомерным выражением лица, он лишь покосился на подругу. – Вечно тебе

куда-то надо! Так и катайся, меня брать зачем? Могли бы смотаться на твою дачу, да с большей пользой провести время там. Теперь пока доедем до Москвы! Тут до Калуги еще пилить хрен знает сколько километров.

– Не порти впечатления, – миролюбиво отозвалась девушка.

– Не порти! А тебе можно? – огрызнулся парень.

– Кому я порчу? Жарко, и всё. Хорошо съездили. – Подруга все-таки была ее, и понятно, что впечатления Юли отличались от впечатлений Санька.

– Посмотри, – Санек кивнул на потемневшее справа небо. – Не иначе, гроза будет.

– Хорошо, свежее станет.

– Свежее! Знаю я наши дурацкие дороги! Занесет где-нибудь.

– Давай я поведу. – Автомобиль принадлежал девушке, и она лишь уступила место за рулем избраннику.

– Вот еще! Доверься тебе! Хоть бы до нормальной магистрали добраться! Понастроили дач у черта на куличках! – Он говорил так, будто дачи москвичей были к городу ближе.

– Не хочешь – не доверяй, – Юле не хотелось ссориться.

Между тем небо темнело очень быстро. Вроде бы минуту назад туча показалась на горизонте, и вот она уже захватила половину неба. Природа застыла в напряженном ожидании. Встречный ветерок и тот куда-то исчез, хотя может ли такое быть?

А потом молодая трава пригнулась под яростным порывом ветра, закачались деревья, небо озарилось вспышкой, и на машину обрушился поток воды.

Девушка засмеялась, наслаждаясь буйством стихий, но ее смех утонул в раскате грома.

– Окно закрой! – прикрикнул Санек. – Зальет!

Он был прав. Но так хотелось подставить руку под почти тропический ливень!

Молнии сверкали непрерывно, из-за раскатов грома нельзя было не только говорить, даже ругаться, а дворники не справлялись с заливавшим лобовое стекло потоком воды. Пришлось еле ползти, ежесекундно рискуя сорваться в кювет или застрять в мгновенно образующихся в выбоинах старого асфальта лужах. Помнилось только, что где-то впереди замаячила не то деревня, не то поселок, но сколько до него ехать на такой скорости?

И темно-то как! Словно раньше времени наступила беззвездная ночь, почему-то сопровождающаяся яркими вспышками. Ночь, в которой фары настолько бесполезны, что и не понять, горят они вообще или что-нибудь замкнуло?

Мысль оказалась в руку. Иначе говоря, накаркали. Близкий удар качнул машину, потряс ее пассажиров до основания, оглушил, но это было сущей ерундой. Серьезным было иное: двигатель заглух и заводиться не собирался.

– Блин! Блин!! Блин!!! – Санек пытался хоть как-то запустить мотор, без которого автомобиль превращался в крытую телегу.

Юлия весело смеялась. Это же настоящее приключение! Будет что рассказать и что вспомнить. Потом стало не до смеха. Машина протекала. Ее никто не проектировал как подводную лодку, и устоять перед буйством стихий детищу человеческого разума было нелегко.

– Давай я попробую, а ты подтолкни! – прокричала девушка.

– Как – подтолкни? Там же льет!

Кажется, губы Юлии прошептали нечто неприличное. Может, только показалось?

– Я сама!

Открыла дверь и сразу же ее захлопнула, успев изрядно промокнуть под природным душем. Вода оказалась неожиданно ледяной, словно вместо недавней весны враз наступила позднейшая осень. Не хватало только мокрого снега, хотя, может, ветер умудрялся превращать его в жидкость.

– Наверно, мотор залило! – прокричал Санек. – Такой потоп!

– Что тогда? – Зубки девушки чуть пристукивали. Надо срочно переодеться, благо сумка валяется на заднем сиденье. Хорошо бы термос с горячим чаем, но его как раз и нет. Молодые люди рассчитывали перекусить в придорожной кафешке и никаких запасов с собой не взяли.

– Понятия не имею! Я что, слесарь? Дождь утихнет, и вода должна вытечь. Остальное как-нибудь высушим. Тут же деревня рядом. Позовем мужиков, заплатим, они всё сделают.

Выбора не было. Оставалось ждать, не может же гроза продолжаться долго с такой же силой. В противном случае настанет новый потоп, ибо растворились хляби небесные. Или как там сказано в одной великой книге?

В самом деле, молнии стали отдаляться, а дождь ослабел. Утих и ветер. Вскоре ливень превратился в дождь, молнии сверкали где-то впереди и по сторонам, а гром хоть и рокотал, но уже с длительными перерывами. Только в нынешнем своем состоянии дождь мог идти долго, то превращаясь в морось, то чуть поливая промокшую землю.

И ни одной машины на дороге. По ней и раньше движение было, мягко говоря, редкое, а сейчас водители решили не испытывать судьбу в борьбе со стихиями и укрылись загодя от всевозможных погодных пакостей.

Вначале Санек, затем его спутница попытались связаться с кем-нибудь по мобильникам, однако прошедшая гроза в сочетании с местной глухоманью привели к исчезновению зоны. На экранчиках не отражался даже логотип операторов сотовой, хотя оба телефона вроде бы работали.

Ожидание становилось бессмысленным. Когда еще восстановится связь или проедет какой-нибудь доброхот, способный взять на буксир заглохшую машину! Санек, быть может, еще немного подождал, все-таки гроза прошла, но Юлия думала иначе. Девушка и в обычное время не любила долго сидеть на одном месте, а уж теперь...

– Тогда я пойду одна! – Вытянутое красивое лицо чуть побелело от гнева. Впрочем, даже это шло девушке.

– Ладно, идем, – вздохнул Санек, выбираясь наружу.

Моросило. Было неприятно и сыро, а куртку в поездку парень не брал. Зачем, если даже в майке казалось жарко? Теперь пришлось расплачиваться за непредусмотрительность и благодарить судьбу, что хоть кепи было с собой.

– Ну и как мы дойдем?

Тут и там на дороге серели лужи, большие и маленькие. Но маленькие хоть можно обойти, а вот с их едва не превратившимися в озера сестрицами дела обстояли хуже. На обочинах та же вода вперемешку с грязью, а крыльев человеку природа не дала. Да они бы всё равно промокли, как промокли едва не с первых шагов кроссовки. Потом в них захлюпало, а затем стало в принципе всё равно – по лужам ли идти или просто по покрытому пленкой воды асфальту. Джинсы тоже намокли, неприятно липли к ногам.

– Блин! Да где же эта деревня? – Санек весь скукожился, опустил плечи и казался сейчас гораздо мельче, чем в обычное время. – Так и до Калуги дойдем. До нее было километров шесть. Может, семь.

Подумал и добавил:

– Там хоть номер снять можно. Обсушиться, всё такое. Хотя переть шесть километров – слону не пожелаю. А по такой погоде...

Он и в хороший день пешком ходить не любил.

– Но не сидеть же!.. – Юлия зябко поежилась.

Дорога казалась бесконечной. Вроде бы перед грозой с очередного пригорка отчетливо виднелись крайние дома деревни. Да после этого еще удалось проехать некоторое расстояние. Свернуть было некуда, никаких развилок, заблудиться на единственной дороге глупо, но тем не менее никакого человеческого жилья впереди не было.

Автомобиля позади тоже не видно. Дорога – отнюдь не германский автобан – то поднималась на холмы, то скатывалась в низинки, да еще отчаянно петляла при этом. Вдобавок всякие деревья да кусты, блестящие свежей, обильно политой ливнем листвой.

Куда он денется, этот автомобиль?

На деле пройденное расстояние было не таким и большим, просто вода под ногами в сочетании с мелким душем его изрядно увеличили.

– Каменный век, блин! Избушки на курьих ножках! – выругался Санек, наконец, углядев крайние дома.

И впрямь избушки. Бревенчатые, с маленькими подслеповатыми оконцами, словно черные от погоды. В довершение картины воды под ногами было настолько много, что асфальт даже не просматривался.

– Деревня, – пожала плечами Юлия. Она держалась намного лучше своего приятеля, хотя тоже промокла и больше всего на свете мечтала обсушиться. Оказаться в избе было даже интересно. В другое время, конечно.

– Эй! – Санек заметил маячившего за забором мужчину.

Тот услышал, вышел навстречу гостям. Челюсть у Сани едва не отвисла – мужик выглядел под стать жилищу. Бородатый, в каком-то грубом подобии пальто ли, просто накидки, в допотопных штанах, в шапке, которую нормальный хозяин постесняется надеть даже на пугало, да еще и в лаптях. Словно всё происходило в прошлых веках.

– Реконструктор, что ли? – удивленно спросил Саня.

Мужик посмотрел с недоумением, словно не знал значения слова. Может, и не знал, живя в такой дыре.

– Послушайте, нам нужен трактор, – обратилась к нему Юлия. – У нас неподалеку машина заглохла. Мы заплатим если надо.

– Фрол, что там? – На улице появился второй мужик, одеждой своей напоминающий первого. Куда-то помчался мальчишка, босоногий и шустрый.

– Да вот... Помощи просят. Токмо бают чудно...

– Мы заплатим, – повторила Юлия и полезла за кошельком.

Где-то тревожной сиреной замычала корова. Странно, куда не взглянешь – ни машин, ни тех же тракторов, линий электропередач и то не видать...

– Заподозрили их поселяне, – докладывал полицмейстер. – Одеты не по-людски, женщина, вообще срамота – в мужских штанах. Разговор не такой. Слова поминают чудные, не русские. А уж когда деньги предложили... Диковинные бумажки. Несомненные фальшивки, только вопрос: чьи? Изготовлены хорошо, непонятно, зачем? Да вы сами взгляните.

На стол легли небольшие ярко разрисованные листочки, никакого отношения к деньгам не имеющие. Хотя на них и были безграмотно написаны номиналы, но даже представить себе невозможно, будто кто-то в здравом уме мог изготовить такое, а затем еще расплачиваться вместо настоящих ассигнаций.

– Что еще? – Губернатор недоуменно переглянулся с племянником.

– Парочка утверждает, будто прибыла к деревне на каком-то самобеглом экипаже, однако поиски экипажа ничего не дали, – пожал плечами полицмейстер. – В общем, необычная история, – затем посмотрел по сторонам, словно кто-то мог подслушивать, и тихо добавил: – Утверждают, будто они из будущего.

– Откуда? – Левая бровь гусара поползла вверх.

– Из будущего, – без малейшей убежденности повторил полицмейстер. – Двести лет спустя.

Он сам прекрасно понимал, как глупо это звучит. Но его дело – доложить.

– Ладно, – вздохнул Каверин. – Покажите ваших потомков.

Словно полицмейстер мог иметь прямое отношение к задержанным людям.

В кабинет вошли двое. Одежда действительно выглядела странно. На мужчине – свободные светлые штаны да подобие блузы, на женщине или, быть может, девушке – тоже штаны, но синего цвета, и легкомысленная кофточка, оставляющая голыми руки. Мужчина побрит, с очень длинными волосами, заплетенными сзади в хвост. Девушка...

Вытянутое лицо, а глаза... Разве бывают такие на свете? Раковский невольно поднялся, да так и застыл, не сводя с нее взгляда. Первые вопросы он просто пропустил, пролетели они мимо сознания, словно и не произносил их никто, и лишь затем пробилось:

– Что ж вы с таким сюда явились? – Каверин кивнул на лежавшие цветные бумажки. – Это же настолько явная подделка...

– Я уже говорил: мы из будущего, – отозвался мужчина.

– Да? Думаете, поверим? – Губернатор переглянулся с ухмыляющимся полицмейстером. – Хорошо. Если вы из будущего, тогда скажите, что будет дальше? Скажем, в этом году.

– А какой сейчас год?

– Ну, знаете ли...

– 1812-й, – вставил полицмейстер.

Мужчина вздохнул с видимым облегчением.

– Ну, это, война будет. С Наполеоном.

– Тоже мне, откровение! Да об этом, милейший, давно на базаре судачат. А когда она произойдет?

– Летом...

– Понятно, что не зимой. Но хоть что-нибудь? – Каверин давал последний шанс.

– Будет битва под Бородином. Французов разобьют. А после они возьмут Москву.

В кабинете повисла тишина. Ясно, кому выгодно сеять слухи.

– Послушайте, но ведь это бред! – вступил в разговор Раковский. – Если французов разобьют, то как они возьмут Москву? И потом, где это Бородино?

Ответа на последний вопрос не знал никто из присутствующих.

– Хорошо, и чем тогда закончится?

– Победой. Французов прогонят, – пожал плечами мужчина.

Невольно резануло слух отстраненное «прогонят». Любой русский сказал бы иначе, не отвлеченно, мол, кому надо, тот и сделает, а обязательно присоединил бы к числу победителей себя. Просто потому, что не мог бы остаться в стороне.

– И что будем делать? – Каверин переглянулся с гостями. – Уведите их пока.

– Сумасшедшие? Не похоже. Шпионы? Нелепо. Вообще, как их раньше не задержали? Откуда они взялись?

– А если они нарочно притворяются не от мира сего? – высказал догадку полицмейстер. – Блаженных у нас любят. Немного актерства, хороший художник... Но тогда стоит за ними...

Уточнять он не стал. Понятно, вдвоем подобную авантюру не провернуть.

– Надо будет допросить их подробнее. Лучше, конечно бы, отправить в Москву, – постарался подвести итог губернатор.

– Я за то, чтобы следствие провести здесь, – немедленно возразил полицмейстер. Понятно, кто хочет отказаться от выигрышного дела?

– Господа, вы что, серьезно? – Бровь Раковского снова полезла вверх. – Там же дама!

– Не дама – шпионка! – подчеркнул полицмейстер. – Представляющая опасность для отечества!

– Какую опасность может представлять дама? Разве что своей красотой!

– Не скажи, Арсений. Авантюристки – вещь опасная. Своим воздействием на мужчин – тоже, – вымолвил Каверин. – Ты вон попался в сети...

– Не попался я! – возмутился гусар. – Только не верю я, что такая женщина может вынашивать опасные замыслы.

– Вот мы и разберемся.

– В холодную? – уточнил полицмейстер.

– Да вы что? – Раковский был без перчаток, и чувствовалось, к лучшему. Иначе одна из них летела бы вызовом. – Даму?

Рука его уже рыскала у бедра в поисках отстегнутой сабли. Полицмейстер невольно попятился.

– Не даму, а возможную государственную преступницу, – как можно мягче вымолвил Каверин. – Нельзя же ее оставлять на свободе на время следствия! Вернее, их, – сознательно напомнил он о спутнике девушки.

– Насчет мужчины – согласен, – отмахнулся гусар. – Однако даме следует создать приличные условия.

– Какие? Что ты предлагаешь?

– Я могу поместить ее в своем имении. Приставлю Архипа с Аринушкой. Слово чести, ничего с ней не случится!

Спорить было бессмысленно. Каверин знал племянника и чувствовал: сейчас тот не отступит. Даже если на самом деле придется сражаться за девушку против всего мира.

– Хорошо. Я размещу ее в своем доме, – вздохнул губернатор. – Но выяснение может быть долгим...

– Дядя!

– Ладно. Пусть поживет пока у тебя. Но предупредить не забудь. А парня – в холодную. И потом, переодеть ее надо. Негоже девице в мужском наряде...

– Само собой, дядюшка. Я тут как раз жалованье в треть получил. Распорядитесь кого послать, пусть всё закупят. Или там сошьют. А завтра с утра самолично доставлю в имение. И сразу в полк...

Разговор не клеился. Город уже скрылся из виду, дорога вилась, как и положено дороге, то меж дубрав, то кромками полей, поднималась на холмы, спускалась в низинки, что-то огибала, где-то тянулась прямо.

– Тут ехать не столь далеке, – заметил Раковский. – Верст двадцать, а там и имение. Красивые места.

Юлия демонстративно смотрела в противоположную сторону. Даже сидела так, чтобы по возможности не касаться своего спутника. Вместо прежнего наряда на ней было приличное, насколько хватило времени подыскать, платье. Имелись также шляпка и прочие дамские вещицы. Всё это сидело на девушке весьма и весьма, да и сама она держалась иначе, чем вчера в доме губернатора.

– Сударыня, слово чести. Я вам не сделаю ничего плохого, – молчание задевало гусара. Он не ждал благодарности, однако не желал испытывать вину непонятно за что.

– Быть тюремщиком – это хорошо? – неожиданно ответила девушка. – Или планируете не только тюремщиком?

– К обеду мы приедем на место. Вы будете вольны делать всё, что заблагорассудится. Кроме одного: покидать поместье. Да и нет резона вам куда-то ехать. Задержат. Так что вам лучше пока спокойно жить там. Что до меня, во избежание недомолвок, завтра с утра я уезжаю в полк. И когда вернусь, бог весть. Тюремщиком вашим быть не смогу. Да и вы свободны. В пределах поместья. Поверьте, это всё, что я сумел для вас сделать. Или вы бы предпочли арестантскую до выяснения обстоятельств?

– Если вам захотелось быть благородным, могли бы тогда забрать и Сашу.

Раковский не сразу понял, о ком идет речь.

– Павел Никитич обещал мне провести следствие возможно быстро. Виновен задержанный – понесет наказание по закону. Невиновен – будет отпущен на свободу.

– В чем виновен? В том, что попал сюда из будущего? – Карие глаза девушки полыхнули, ослепляя Раковского.

И хоть бы одна улыбка за всю дорогу!

Тема будущего была скользкой. Очень уж похоже на сказку. Не поверишь – обидишь, поверишь... Но разве можно в такое верить? Мистика какая-то. Дьявольщина.

– Если вы из будущего, почему же совсем ничего не знаете?

– Почему – ничего? Скоро начнется война!

– Разумеется. Потому я вернулся в армию, – отозвался гусар. И поблагодарил судьбу, что девушка сидит слева, и шрам на виске не так бросается ей в глаза.

В наступившей тишине Юле вспомнился вчерашний день.

– Попали. Влипли в историю, – хмыкнул Санек. Особого веселья он не испытывал, но держался бодро. – Ничего. Не переживай, малышка. Мы им покажем, чем двадцать первый век отличается от этих... Мы умнее. Сделаем мы дикарей, вот увидишь. Тут главное – начать, а потом оно само пойдет. Будешь ты у меня княгиней, а то и царицей.

– Лучше бы мы в фэнтезийный мир попали, – Юлия читала много книг о всевозможных попаданцах, но сказочные королевства нравились ей гораздо больше реального прошлого. В крайнем случае, ее бы устроило Средневековье, а вот новая история не представляла особого интереса.

Тут уже дело вкуса, что и кому нравится. Юлия несколько раз участвовала в ролевых играх и, странное дело, вообще не боялась случившегося. Было даже интересно, что именно будет дальше. Одно дело – играть, другое – прожить здесь какое-то время.

Вначале будут, разумеется, какие-нибудь неприятности, вроде ареста, зато потом... Это же самое настоящее приключение! Наверно, поэтому ни удивления, ни страха, немного восторга да желание придумать хоть какой-то план.

В голову ничего не шло ни парню, ни девушке. Попытались вспомнить подробнее даты и события, однако трудно вспомнить то, что толком никогда не знал.

Арест – фигня. Собственно, как еще всё могло начаться, если случайные путешественники во времени элементарно растерялись и не поняли, куда попали? Разберутся. События тоже, если подумать, фигня. Главное – знания, которых здесь быть попросту не может. Скоро мир тут переменится, и история пойдет другим путем. Главное – чуть потерпеть сейчас, а потом всё образуется. Скоро местные станут носить путешественников на руках. Во всяком случае, кланяться станут точно.

Да уж... Санек до сих пор сидит. Катись незнамо куда с разряженным гусаром. Между прочим, не очень уж молодым, да еще и некрасивым. А если начнет приставать? Потому выручать парня и не захотел. Почуял соперника.

– Как там, в будущем? – внезапно спросил гусар.

– Повозки сами бегают, – с легким оттенком язвительности ответила Юлия.

– Зачем же бегают? Ездить удобнее, – не понял Раковский.

– Ну, пусть ездят. Зато без лошадей. Автомобили называются.

– Вообще без ничего? Что же их двигает?

– Бензин. Нефть такая. Заливаешь ее в бак, заводишь мотор и едешь. Быстро, не так как на этих клячах.

На самом деле прокатиться в бричке было даже интересно, но уж очень хотелось уколоть спутника.

– Это не клячи, а хорошие кони, – обиделся гусар. – Таких еще поискать надо.

Однако он быстро справился с собой и прежним тоном осведомился:

– Каких высот еще достигли? Интересно ведь.

– Высот? По воздуху летаем на самолетах.

– Самолет – эта такая деталь в ткацком станке.

– Нет, это такой аппарат с мотором и крыльями. Бывают большие, бывают маленькие...

А вот революций и социальных устройств решено было не касаться. Обвинят в попытке свержения существующего строя да сошлют куда-нибудь... Всё равно, при обычном ходе вещей произойдет всё весьма нескоро, никто из здешних обитателей не доживет.

Интересно, верит ли гусар сказанному или только делает вид в надежде на благосклонность? Мужчины просто так помогать не станут...

– Да, – вдруг вспомнил Раковский, извлекая какие-то бумаги. – Здесь сказано, что вы – уроженка австрийской части Польши. Потом оказались в Италии, откуда бежали от корсиканца. Павел Никитич выписал. Мало ли? А про будущее никому не говорите. Не надо.

Сам же подумал: ну какая из девушки полячка? Черты ее лица говорят о принадлежности совсем к иной нации. Ее бы лучше за итальянку или испанку выдать. Но там хоть немного язык знать надо. Путешествовали некоторые по Италии, на слух различат, на каком говорят. Придется пока так...

– Ну-с, что скажешь? – Павел Никитич взглянул на Саньку с интересом. – Всё еще будешь утверждать, что прибыл из будущего?

Неделя в арестантской поневоле заставила парня несколько присмиреть. Можно сколько угодно считать себя правым, но очень ли это поможет, если власть имущие решат иначе? Батоги ли, каторга, и доказывай, что ты не верблюд. Зато сидение и страх перед грядущим прибавляют здравого смысла.

Тяжелый вздох, который по желанию можно было бы признать за что угодно. Например, за согласие. Или за возражение.

– Документов нет. Может, ты беглый? Кто тебя знает?

– Ни откуда я не бежал.

– Ни от кого? – уточнил губернатор.

Дел без того невпроворот, а тут еще приходится заниматься откровенной ерундой! Пусть Каверин не был человеком суровым, если бы не просьба племянника, он наверняка просто упек бы молодца за бродяжничество. Но Раковский перед отъездом просил быть к задержанному снисходительным, если доказанной вины нет, то отпустить на все четыре стороны. Мало ли кто шляется по Руси? Одним больше, одним меньше.

– Не крепостной я, – как можно тверже ответил Санек.

Тут без возражений никуда. Иначе сразу превратишься в бесправного парию, и тогда вскарабкаться на самый верх нынешней социальной лестницы станет почти невозможно.

– Допустим. Чем же ты занимался?

Санек едва не буркнул, что был сисадмином, однако успел прикусить язык. Тут даже слово такое неизвестно. Прикинешься купцом – возникнет вопрос, где и чем торговал. Поймают даже не на отсутствии документов – на незнании цен. И так во всем. Даже странно, здесь, в далеком прошлом, человек тоже оставляет какие-то следы, с кем-то связан, что-то делает, и какие-то события фиксируются в бумагах.

– По-разному. Был приказчиком, – вспомнилось Сане словечко. – Да и...

– Что? Допустим, отпущу я тебя. Со шпионами ты не связан. Куда пойдешь?

Действительно – куда? Жилья нет, денег даже на первое время тоже, продать нечего... Пришлось пожалеть, что вместо часов пользовался мобильником. Наверняка какая-нибудь китайская штамповка и та ушла бы за неплохую сумму. Как-то не так всё представлялось по прочитанным книгам. Если бы сообразить сразу, можно было бы иностранцем прикинуться. Английский язык известен. Мол, документы украли. Но что теперь-то? Уже не проедет.

Не милостыню же просить?

– Не знаю, – откровенно признался Санек. – Но я знаю грамоту, может, есть где должность?

– Грамоту? Ладно, попробуем. Вот тебе лист, пиши, – писаря всегда нужны. Всё при деле.

Перо оказалось вещью на редкость неудобной, а чернила – жидкостью коварной, норовящей расплескаться кляксами. Да и без них писать от руки Санек не привык. Вот если бы имелась клавиатура или хотя бы пишущая машинка! Вроде несколько предложений, а труд какой!

– Да... – протянул Каверин, осматривая измаранный лист. – Почерк... В писаря не годишься. Вдобавок сплошные ошибки.

Санек лишь сейчас вспомнил о всяких ятях, бывших в ходу до революции. Знать бы, куда их вставлять!

Хотелось сказать о познаниях в математике, однако считать доводилось в основном при помощи калькулятора. Вдруг выяснилось, что предложить предкам нечего. Да, Санек знал о грядущих чудесах техники, только тут требовались не рассказы. А как сделать что-нибудь реально, парень понятия не имел, будь то автомобиль, компьютер, самолет, ракета, на худой конец – пароход с паровозом. Даже объяснить толком принцип действия не сумел бы.

– Можешь обратиться к кому-нибудь из купцов, – отечески посоветовал губернатор. – Вдруг кому требуется приказчик?

Все-таки негоже молодому мужчине шляться без дела. В Европе бы мог наняться в прислугу, а здесь каждый помещик без всякого найма имел крепостных. Но не выбрасывать же человека вообще на улицу!

– Я пошлю человека к Торубаеву-меньшому. Это наш городской голова. Может, он что посоветует. Всё. Свободен.

Больше заниматься чужим человеком было недосуг.

Оказалось, свобода не столь великое слово. Ты можешь идти куда глаза глядят, ни перед кем не отчитываться за поступки, лишь бы они не попадали под уголовные деяния, только человеку требуется иное. Место жительства, даже если это не собственный дом, деньги, чтобы питаться, следовательно – хоть какая-то работа. Иначе свобода не в радость, а в сплошное горе.

Снаружи было тепло. Июнь, даже по нынешнему отстающему календарю. Солнце жаривает землю, дующий ветерок с ним в сговоре не охлаждает, а, наоборот, кажется, обжигает, словно дело происходит в жарких странах. Да еще вездесущая пыль под ногами. Но – странно – редкие по случаю жары прохожие большей частью одеты тепло, да еще застегнуты, завязаны и, похоже, не замечают неудобств.

По большому счету, Санек первый раз видел нынешнюю Калугу. Город ничем не напоминал города двадцать первого века. Невысокие, лишь в центре каменные, а так сплошь деревянные дома, ближе к окраинам – вообще избы, кругом заборы, сады во дворах, этакая широко раскинувшаяся большая деревня. Про машины и асфальт вообще можно забыть, да и зачем асфальт, если единственное средство транспорта – редкие пролетки, брички – или как их там правильно называть? – да простые телеги. Мужики в армяках, в общем, картинка из какого-нибудь фильма про «старую» жизнь.

Как здесь можно жить? Коренному москвичу, привыкшему совсем к иному, окружающее казалось диким. Вот уж не повезло оказаться в глухомани! Или сейчас таковой является вся Россия? Знаний по истории у Сани не хватало, неинтересная с его точки зрения была эпоха, но вряд ли где-то возможен привычный комфорт, водопровод, электричество... Особо – последнее. Всё делается при свечах и этих... лучинах.

А если еще глубже в века? В книгах попаданчество овеяно романтикой, но почему в реальности оно оборачивается исключительно грубой стороной?

Как выбраться обратно?!

Делать в поместье было совершенно нечего. Хорошо еще, что его владелец в единственный вечер и последующую ночь вел себя деликатно. Не приставал, подчеркнуто держался на некотором расстоянии. Юлия тоже не давала повода. Кто знает, каковы здесь нравы? Дамы высшего света, разумеется, могли быть спокойными, но Юля к этому свету не относилась. Положение ее было неопределенным, не крестьянка, не дворянка, вообще непонятно кто, только ясно: защиту найти будет трудно.

А вот такой вариант – допустим, гусар предъявит мужские права, а то и вовсе попытается применить силу. По большому счету, может после этого даже убить. Дворян закопает в саду, и ведь никто искать не станет. Губернатор – родственник помещика, самой Юли как бы не существует...

Но нет. Представил дворовым как заезжую гостью, вдобавок – родственницу одного старинного приятеля, живот на поле чести положившего, объявил, что гостьей она останется и в его отсутствие, и потребовал оказывать ей соответствующие знаки внимания и прочее.

Женская половина двухэтажного помещичьего дома пустовала и теперь целиком оказалась в распоряжении Юлии. Дом был не сказать, чтобы новым. Комфорта в нем не хватало. Зато вокруг было красиво – неведомый архитектор постарался, подыскивая место, с которого открывался бы самый лучший пейзаж. Поля, леса, пруды, неширокая речка... Еще бы ноутбук, шкаф с книгами. Но книг в доме не имелось, эпоха русской литературы еще не наступила, а до изобретения компьютера оставалось еще столько...

Деятельная по натуре девушка заскучала на второй день. И то потому, что утром первого она еще побаивалась приставаний гусара. А затем некоторое время Юля привыкала и к обстановке, и ко времени. Несколько раз она попала впросак и теперь старалась понять хотя бы внешние тонкости взаимоотношений.

Отъезд хозяина прошел на редкость буднично. Только немного поносились дворовые, укладывая в дорожную коляску какие-то вещи и припасы, да к столу вышел владелец имения и проживающих в нем душ. Уже в дорожном сюртуке, вошел, воспользовавшись случаем, поцеловал девушке руку, сделал приглашающий жест.

– Прошу, Юлия Михайловна.

Сам сел лишь после нее.

– Как спалось на новом месте?

– Спасибо, хорошо, – Юлия отвечала холодно, опасаясь спровоцировать Раковского.

– И чудненько. Дом в вашем распоряжении. Живите сколько душе угодно.

Собственно, куда могла пойти девушка из другого времени? Ни денег, ни даже понятия, что и сколько стоит. И способов заработка нет. Даже не представишь, что тут можно делать? Та же журналистика – есть ли уже она?

Много не говорили. Всё больше о пустяках. Просто чтобы не сидеть молча. Потом Раковский поднялся, склонил голову в поклоне.

– На сем расстаюсь с вами, Юлия Михайловна. Как смогу, приеду. Пока же...

Опять поцелуй руки и затем треньканье шпор.

– Честь имею.

Еще бы объяснил, чем тут можно заняться! Не спать же всё время, и не шляться по примыкающему к дому саду. К тому же девушка сильно переживала за приятеля, которого обычно называла мужем, хотя что такое гражданский брак? Сегодня вместе, а завтра разбежались. Никаких процедур, надоели в некий момент друг другу или хоть один чем-то недоволен – и что тут возразишь? Ничего. Пожили немного вместе – и хватит.

Юля обычно в разговорах резко выступала против слова «любовь» и постоянно подчеркивала, что живет исключительно разумом. Но разум – одно, а тут всё женское естество

тянулось к сожителю, хотелось прийти ему на помощь, освободить из камеры, или куда он здесь попал?

Здравого смысла хватило на то, чтобы понять: просто так сделать это не удастся. Даже если там один сторож, то с ним надо как-то справиться. Перед тем еще добраться до Калуги, а после – суметь из нее сбежать. И непонятно, куда именно. В родной эпохе что-то можно придумать, а здесь кругом далекое прошлое, и в любой стране трудностей не избежать. Деньги нужны, документы. К тому же не знаешь ни местных законов, ни правил, ни обычаев и будешь подозрительным для любого местного уроженца. Иными словами, побег «мужа» требовалось прежде как-то подготовить.

Надо наметить план, обзавестись оружием и деньгами, научиться казаться «своей», так, чтобы у посторонних не возникало вопросов. Хорошо было бы найти хотя бы одного союзника. Но где? Любой союз возможен лишь на основе общих интересов. А в чем они могут заключаться? По какой причине местный уроженец станет помогать случайно попавшей в этот век парочке?

А гусар все-таки помог. Даже не потребовал платы за услугу. Но дальше придется действовать самой.

Ездить верхом и обращаться с лошадьми Юлия не умела. Но другого транспорта пока не было, значит, нет и выбора. Надо освоить то, что есть. Пешком передвигаться не станешь, а полагаться исключительно на кучеров – вдруг в решающий момент подведут? Да и с оружием надо что-то решить. До сих пор девушке доводилось стрелять лишь из лука во время ролевых игр, а вот из чего-то огнестрельного – увы. Вдобавок тут даже огнестрельное оружие было старым, заряжающимся с дула.

Пока план был прост. Немного освоиться. Узнать самые простейшие правила поведения, чтобы вновь не забрали блюстители порядка и их добровольные помощники. Хорошо бы дожидаться какого-нибудь молодого гостя. Несколько улыбок, и вдруг получится влюбить его в себя? Не ради романа, никаких романов Юля не желала, лишь чтобы получить поддержку и некую сумму денег на первое время. Для этого не требуется заводить дело далеко. Туманно обещать, намекать на награду в будущем...

Только по случаю отъезда хозяина никто из соседей в усадьбу не заезжал. Вот и приходилось оставаться в обществе мужиков, дворовых девок да прочего неинтересного с точки зрения дальнейшего люда. Кое-кто из них много рассказывал о барине. Как ни странно, хвалили, а укоряли лишь за отсутствие супруги. А старый конюх, бывавший с хозяином в походах, всё рассказывал о стычках и боях, в которых Раковский принимал самое активное участие.

Няня, напротив, говорила о другом. Мол, был помещик когда-то молод и влюблен. Подробности каждый раз чуть разнились, главным же оставалась дуэль из-за предмета воздыхания. Соперник был убит, Арсений разжалован в солдаты, а девица тем временем вышла замуж за другого, отвертив бывшего избранника от законного брака.

Выглядело всё романтично, только лучше бы разузнали что-нибудь о Сане! Как там гражданский супруг? Удалось ему выкрутиться? Вдруг уже начал медленное восхождение к положению в этом мире? Он же умный, обязан достичь многого среди ничего не знающих аборигенов. Два века – это даже не двадцать лет. Тут все младенцы.

Что придумает Саня, биржу ли, новые технические устройства, вспомнит, где залежи полезных ископаемых, разница не столь существенна. Всё равно он обязательно должен подняться на самый верх нынешней пирамиды. Стать если не царем, так его ближайшим советником.

Только скорее бы!

Известия о войне ждали, но всё равно оно прозвучало неожиданно. Даже для Сани, который обязан был знать: война начнется. Но он почти не придавал событию значения. Его предупреждение не вызвало ажиотажа или сколько-нибудь заметного удивления. Стать оракулом не вышло, как и получить хоть какие-то преимущества. Интересовало парня одно: не окажется ли Калужская губерния в районе боевых действий? Не хватало еще очутиться между противоборствующими сторонами! Непосредственный ход событий Саня представлял плохо. В памяти осталось лишь сражение при Бородине, да какие-то гусары-партизаны из случайно виденного отрывка фильма. Чисто теоретически парнишка знал, что на войне можно сделать огромные деньги, но для этого требуется изначальный капитал и связи на самых верхах. Только ни связей, ни капитала всё равно не было. Более того, к некоторому собственному удивлению, не было вообще никаких успехов. Даже в роли одного из многочисленных младших приказчиков добиться хотя бы чего-нибудь выходец из просвещенного двадцать первого столетия не сумел. И дела здесь велись совсем иначе, и товар был настолько незнакомый, что после Сани вечно приходилось исправлять содеянное. Ладно, хоть пока не гнали. Терпели в качестве счетовода, хотя считать приходилось медленно. Очень уж непривычно было складывать и умножать без калькулятора. Даже купеческие дочери смотрели на парня, как на пустое место. Кому нужен неумеха?

Несколько раз Саня попытался устроиться гувернером. Все-таки английский он знал. Только никто не желал брать в дом человека без рекомендаций. Да и в ходу английский был весьма малом, вполне хватало залетных англичан.

Неужели предстоит прожить всю жизнь в выделенной каморке? Вставать с петухами, питаться кашей, поневоле соблюдать постные дни, по воскресеньям посещать церковь, изображая из себя крещеного и верующего? Ни привычных тусовок, ни прочих развлечений. Может, на верхах что-то есть, но туда не пускают.

Теперь еще и война, и непонятно, как к ней относиться?

Удивил дурацкий энтузиазм народа. Люди вели себя, как форменные дикари. Отстаивали молебны, грозились Европе, даже рекрутский набор встретили с огромным воодушевлением. Словно речь шла о бесплатных подарках или даровании послаблений.

Тут бы о себе подумать. Всё равно война закончится победой, с тобой ли, без тебя.

Жаль, даже война не дает возможности занять более достойное положение. Юльке проще. Наверняка стала любовницей разряженного чмыря, вращается сейчас если не в высшем обществе, то где-нибудь рядом.

Могла бы и помочь. Сколько лет встречались. И не только...

Солнце пекло всюю, словно задалось целью как можно больше досаждать усталым воинам за их бесконечное отступление. Свою же землю оставляют неприятелю на поругание, не чужую. Прежде верилось: вот сейчас объединимся со Второй армией, и тогда помоемся силой с супостатом. Бесконечное движение, порою – дневки, если удавалось оторваться далеко, иногда – жаркие арьергардные стычки... Последним искренне радовались. Пусть неприятель почувствует на себе удар русских штыков и сабель! Недалек тот час, когда встанем намертво, а потом и погоним его прочь за свои пределы!

Зато сколько искренних огорчений, когда честь сшибки доставалась иным полкам! Пусть смерть и раны, зато в честном бою с врагами Отечества. Нет лучшей доли, чем умереть за Родину!

Мариупольскому гусарскому счастье подраться выпадало редко. Полк входил в состав Третьего резервного кавалерийского корпуса генерала Палена. Многие легкоконные были дополнительно приданы пехотным корпусам и сопровождали им в боях, а тут не повезло.

Нет, корпусной командир был из лучших, прославившийся еще в предыдущую войну с французами. Видно, чисто кавалерийским боям еще время не пришло. Разведка, прикрытие флангов и боевых порядков, короткие наскоки...

– Нет, господа, все-таки мне это не нравится, – подполковник Ржевский отставил стакан чая и потянулся за трубкой. – Душа просит хорошей драки. Мы же не столь далеко от Смоленска.

Костерок горел в темноте, создавая незаmysловатый воинский уют. Закопченный чайник, заветная трубка – много ли счастья надо в жизни?

– Будет вам драка, – вздохнул Раковский.

Ему вспомнился не слишком содержательный рассказ хорошенькой девушки. О некоем большом сражении под неизвестным Бородином, об оставлении Москвы, действиях партизан и бегстве французов.

Вдруг это правда? Юлия Михайловна попала сюда из будущего, однако в разные времена и у разных народов были люди, которые знали, что будет наперед. Было ведь в девушке нечто загадочное, непонятное. Словно не обычная прелестница, мало ли прелестниц повидал гусар на своем долгом веку, а явившаяся из сказки колдунья. Не зря вдруг вспоминаются ее глубокие глаза, и нет сил прогнать видение...

Не к месту подобное... Интересно, как она сейчас? Хорошо ли? Не скучно? Развлечений в деревне немного.

– Когда будет? Всё маневрируем перед неприятелем, а надо собраться и ударить!

– Мы собираемся. Не забыли, Ржевский: пока с Багратионом встретиться так и не удалось. Поодиночке же нас задавят числом. Пока цела армия, цела и Россия.

– Да понимаю я всё! – махнул рукой подполковник. – Умом. Вот сердцем понять не могу.

– Ничего. Войну мы всё равно выиграем. И в Париже побываем. Мне это одна вещунья поведала. Вы были в Париже, Ржевский?

– Не доводилось, – губ гусара коснулась невольная улыбка.

Дух его был крепок, и он не сомневался в конечной победе. И всё равно услышать пророчество было приятно. МалOVERов вообще не было в армии. Где-нибудь в губерниях – быть может. В оставленной Литве кое-кто наверняка даже ждал узурпатора как освободителя. В числе двенадцати языков целый польский корпус Понятовского. Правда, действующий сейчас против Багратиона. Но свои, русские, встают на войну как один.

– И мне тоже пока не довелось. Вот и побываем, раз уж так настойчиво в гости зовут, что к нам приперлись.

Шутка прилась по душе, и сидевшие вокруг костра офицеры дружно засмеялись.

А что? Обязательно увидим и Париж. Когда придем добивать корсиканское чудовище в его логове. Долг платежом красен, а на зачинающего – Бог!

...Перед сном Раковскому вновь виделись чудные глаза. Приворожили его, что ли? Вдруг случайная знакомая и впрямь колдунья? Во всяком случае, гусарский майор ничуть бы не удивился, узнав, что так оно и есть.

Сейчас перенестись бы в родное имение, взглянуть разок наяву! Но, увы, война.

Всадница показалась на боковой тропинке. Сидела она по-мужски, ни в какую не признавая дамской посадки. Даже одета была, словно и не барыня вовсе, а молоденький парнишка. Разве что развевавшиеся черные волосы напоминали о ее женской сущности.

Эх, егoза! Архип наметанным глазом отметил, как девушка уверенно держится в седле. Конечно, в отчаянный галоп она еще не пускалась, по буеракам скакать ей тоже рановато, но по дорогам и тропинкам носилась уже прилично, хотя обучать гостью верховой езде пришлось едва не с азов. Оставалось только восторгаться ее бесстрашием и упорством.

– Дядя Архип! – Юлия в считанные минуты догнала бричку.

– Здравствуйте, барышня! – Отставной вахмистр невольно залюбовался девушкой. Светлая, очаровательная; казалось, будто солнечный свет исходил не с неба, а от нее.

Может, закончится война, и Арсений Петрович, наконец, остепенится?

Вон и старый Прокоп всурьез недоволен бобыльской жизнью его высокоблагородия. Давно пора юных наследников понянчить! Кому перейдет по наследству отчий дом? Всё в природе обязано продолжаться. Сам-то Архип как вышел со службы, так и взял себе покладистую вдовушку и теперь был отцом четырех детишек разного возраста и пола.

Эх, Арсений Петрович!

– Какие новости?

Здесь, вдали от губернского города, пока что-нибудь узнаешь! Интернета-то нет. Даже газет никто не носит. Да и газеты – скукота!

– Наши армии, наконец-то, встретились под Смоленском! – Отставной вахмистр сдержал фуражку и степенно перекрестился. – Будем верить, что скоро накостыляют Буонапартию!

Разубеждать его девушка не стала. Опять решат, будто шпионка. Да и к чему? Если покинувший имение гусар не ведал, где находится Бородино, то уж его камердинер и подавно не знает. Будут знать аборигены о грядущем или не будут – закончится-то всё победой. Только и разговоров, что о вторжении, словно иных тем не существует!

Невольно вспомнился здешний помещик. Как он спокойно, ничуть не рисуясь, уезжал в армию, хотя – Юлия узнала о том от дворовых – перед тем был в отставке и не обязан был рисковать жизнью. Но просто так надо – и всё. Словно без него не справятся.

Да и дядя Архип стремился туда же. Но – обещал владельцу присматривать за хозяйством, оборонять его в случае неблагоприятного поворота дел и скрепя сердце выполнял обещанное.

Странные люди, даже привлекательные в своей странности. Цельные какие-то, без фальши. На таких можно положиться.

– Наши обязательно победят! – Юлия поняла, что отставной вахмистр ждет от нее чего-то подобного. Жалко сказать, что ли? Тем более – правду.

– Кто б сомневался? Эх, поднялась Россия! Кто в рекруты пошел, кто в ополчение, – Архип вздохнул и тронул длинный ус. – Силища-то какая!

– Ты узнал, что я просила? – словно невзначай задала «главный» вопрос девушка.

– Это о знакомом твоём? Так отпустили его давно. Еще до войны, – Архип внимательно посмотрел на барышню. – Чего его держать, коли невиновен? Где он теперь, один бог ведает!

– Спасибо, дядюшка! – Юлия едва смогла скрыть охватившую радость.

Еще заподозрит, старый хрыч! Вон как устался!

Ничего. Главное – Саня на свободе. Теперь немного подождать. Он обязательно найдет ее и не просто найдет, а сумеет занять достойное положение в здешнем обществе.

Не всё зависит от происхождения. Кое-что и от таланта...

Архип немного слукавил. Он проявил дотошность, благо это было не столь трудно. Не барышни ради, только во имя собственного спокойствия. Молодца даже искать не пришлось. Прямо в доме губернатора и подсказали, что искомый человек вроде пристроился младшим приказчиком. Мух там не ловит, звезд с неба не хватает. Так, кто-то видел в городе.

Потом другой уточнил: загремел он в рекруты по последнему набору. Один, без роду и племени, сословия мещанского, толку от него мало, вот и забрили ему лоб. Даже пикнуть не успел. Так что всё получилось чудесно. Оно надо, такие знакомые?

Но это – с точки зрения отставного вахмистра. Саня считал совершенно иначе. Он в свое время от армии откосил. Родители замолвили словечко, помогли любимому чаду. Жаль,

тут помощников не нашлось. Хоть губернатору пожалуйся, что ему судьба какого-то безродного человечка?

В рекрутском депо Саня едва не впервые пожалел, что не отправился вовремя на поиски Юлии. Слышал, будто ее увез разодетый гусар, ну и решил, что девушка, со свойственной ее полу практичностью, отказалась от прошлого во имя настоящего. Ну и выиграла гордость. Еще посмотрим, кто в жизни более значимый – пожилой гусарский офицер или умный молодой современник!

Теперь Саня сто раз проклял свою гордость. Отправился бы на поиски, глядишь, и сумел бы пристроиться по знакомству управляющим, счетоводом, иной мелкой шишкой. Не столь важно кем, главное – не загремел бы на полную катушку, страшно сказать – на двадцать пять лет!

Он попытался было намекнуть на начальную грамотность и знание арифметики, однако старый седой унтер лишь качнул головой:

– Ты вот что, паря. Если знаешь – хорошо. Проявишь усердие, отличишься в сражениях, может, даже в офицеры выйти сумеешь. Да только пока зелен ты. Службы не знаешь. Куда тебе?

Вот и приходилось с утра до вечера отрабатывать строевые приемы. Ничего не получалось, по вечерам Саня падал без сил, но утром вновь бил барабан, и приходилось подниматься, напяливать ненавистный мундир, весьма неудобный, словно специально придуманный для дополнительных страданий, и опять в несчетный раз тянуть ножку да боязливо коситься на суровых унтеров. А ну, как накажут!

Про себя парень решил, что обязательно сбежит, как только подвернется удобный случай. В мирные дни служба хуже каторги, а сейчас война. Нашли дурака переть на чужие пушки или получать удар холодным штыком! Даже в писаря не переведут. Саня потихоньку стал осваиваться с ятями и ерами, но помимо грамотности ценился почерк. От руки писать – не по клаве барабанить.

Только как сбежать? Поймают – прогонят сквозь строй. Лучше пусть сразу расстреляют.

Расстрела Саня тоже не хотел. Он вообще желал лишь одного – жить. Богато, комфортно, на худой случай – при минимальном достатке, но жить. Смерть, впервые помаячившая рядышком, а не в некоем далеком будущем, пугала до одурения. Порою, невзирая на усталость, Саня видел сны, в которых на него неслась кавалерия, рубила его острыми саблями или вдруг рядом вырастал здоровенный дядька с длинным ружьем, и, казалось, живот чувствует вонзающийся в него и разрывающий внутренности штык. Это было невыносимо. Парень просыпался в поту, долго всматривался в окружавший мрак, боясь материализации пронесшегося кошмара.

Страх терзал и днем. Странно, прочие собраты по несчастью вели себя много спокойнее. Понятно, они меньше уставали. Быдло, привыкли к физической работе, вот и нипочем им тяжелое ружье, нагруженный ранец на спине, труд без начала и конца. Даже грубая пища, и та не вызывала у рекрутов недовольствия. Охотно грызли черствые сухари, наворачивали кашу с маслом и были довольны, будто обедают в лучшем ресторане.

Почему у героев книг получалось с ходу занять положение в обществе, продемонстрировать дикарям внезапно появившиеся умения, а в реальности всё оказалось наоборот? Крестьянские парни, неграмотные, дремучие, свято верующие и в Бога, и в императора, в жизни гораздо приспособленнее просвещенного либерала, умеют работать руками. Рубить дрова, обустривать лагерь, даже штык осваивают быстрее, словно речь не о смертоносном и страшном оружии, а о каких-то вилах? Да еще держатся один за одного, ведать не ведая, что каждый должен жить для себя.

Стать для рекрутов авторитетом не получилось. Новоявленные защитники Отечества ценили лишь обычные умения, крепость тела и духа, а попытки рассказать им что-нибудь о грядущем, иносказательно, разумеется, были встречены откровенным непониманием.

Влип! Ведь знал же о войне! Попали бы чуть позже, хотя бы на пару лет, и обошлось.

Интересно, если напрячь память, вспомнить что-нибудь из Пушкина... Юный пиит уже живет на свете, только до его известности еще годы и годы. И издатели наверняка занимаются иными делами, и литераторы пока сплошь из людей родовитых.

Надо было все-таки искать Юльку! Ее нынешний ухажер – офицер, дворянин. Вдруг удалось бы через него познакомиться с нужными людьми?

Ревность – чувство глупое, когда речь идет о грядущей судьбе.

Где его теперь искать?

– А ты молодцом, майор! – Командовавший полком князь Вадбольский ободряюще улыбнулся. – Я специально отметил в реляции твою атаку. Считаю, представлен к ордену. Да и за Витебск тебе полагается.

– Не за ордена воюем, – отозвался Арсений. – Да и какие награды, когда всё равно отступаем?

– Не скажи, – полковник не удержался от вздоха. – Главное – дали армии возможность беспрепятственно ретироваться. Сам же видел – позиция у Смоленска была неважная, противник легко бы мог обойти нас с любого фланга, а тогда... Нет, Барклай прав. Только потеряли бы армию. Ничего. Скоро, думаю, встанем.

– Это точно, – Арсений вспомнил гостью. – Не знаешь, где у нас такое Бородино?

– Понятия не имею. Мало ли деревень в округе? Тебе-то зачем?

– Так, услышал, и запало в памяти, – ушел от конкретного ответа Раковский. – Сам не пойму.

Армии вновь отходили. Только недавно позади остался Днепр и памятная Валутин Гора – там мариупольцы приняли участие в жарком сражении. Наполеон мог перерезать там пути отхода, и небольшая поначалу схватка вовлекала всё новые и новые силы с обеих сторон. Раковский несколько раз ходил в атаку, разок весьма успешно опрокинул французских драгун и хоть немного отвел истомившуюся душу.

Грыз один вопрос: права ли прелестная гостья? Пусть в конечном итоге она обещает победу, однако оставить на поругание Москву, город сорока сороков храмов, второй по величине в Империи, пусть не столицу, но всё же...

Но отступали же! Даже после соединения армий. Пусть вынужденно, только разве от этого легче?

Затем Раковский неизбежно вспоминал о вступлении в Париж и говорил себе: ничего, ради победы можно пойти на всё. Главное, знать, что победа будет.

– Ничего. По всему видно, генеральная баталия уже скоро, – повторил сухощавый Вадбольский и прищипил коня.

Скоро. Где же это Бородино?

И как там поживает колдунья? Судьба каждого воина в руке Божьей. Доведись положить живот на поле чести, и что будет с ней? Совсем одна, без средств к существованию... Надо бы помочь. Только как? Придумать бы что-нибудь, да времени нет...

Половицы местами поскрипывали. Дом был старый, хотя никакой ветхости не чувствовалось. Старый ровно в той степени, чтобы осознавать его в качестве родового гнезда. Юлия невольно пожалела, что в ее жизни на подобное могла тянуть разве что дача. Всегда казавшаяся довольно большой, и вдруг в сравнении представшая не домом, а домиком. Заурядным флигелем, наподобие размещившегося здесь слева от основного поместья.

Но что-то в такой неспешной жизни все-таки было. Еще бы большой шкаф, набитый книгами, да возможность выбираться на дружеские встречи! Пусть никаких друзей и подруг в здешнем времени пока не имелось, только всё время оставаться одной для энергичной девушки было тяжело. Верховая езда, начавшиеся занятия по стрельбе из неудобного пистолета и фехтованию – смогла уговорить Архипа, что сейчас война, и вдруг какой-нибудь заблудившийся французский отряд нагрянет в усадьбу!

Освобождать Саню не понадобилось, однако чем еще заниматься в чужом времени? Рукоделием? Не смешите меня!

Иногда приходил местный поп. Юлия была неверующей, однако сообразила: в богословские диспуты лучше не вступать. Как и не афишировать свою национальность, раз существует черта оседлости. Пришлось прикинуться католичкой. Вспомнить, как правильно креститься, девушка не смогла, невозможно вспомнить то, что никогда не знала, да это, к счастью, и не требовалось. Иная конфессия, никакой нужды просить благословения или бормотать неведомые молитвы. Не так тяжело выслушать священника с его уговорами о переходе в православие. Делать особо нечего, да и интересно соприкоснуться с другой стороной жизни. Говорит вежливо, убежденно, только всё равно не убедит.

Между прочим, муж тоже хорош. Уже давно был обязан найти, где живет избранница, и явиться к ней. Что было бы дальше, Юлия пока не думала.

Все ее бросили, оставили одну! Но гусар хоть как-то позаботился, а этот...

Что плохо: приходится рано ложиться. Заняться ночью совершенно нечем. Иногда девушка отважно прогуливалась в темноте по саду, придумывала себе всевозможные страхи и тайны, только и это занятие надоедало.

Без книг – гибель! Жаль, русские авторы еще ничего не написали, а по-французски Юлия читать не умела. Хотя и французских книг в доме не имелось. По идее, уже существуют английские. Хорошее слово: идея. Плохо лишь, что неосуществимая.

И опять вместо нормального сна лишь дрема. Едва теплится лампада. К религии Юля была равнодушна, но приходилось воспринимать иконы как неизбежную часть здешней жизни.

В темноте вдруг мягко и неслышно мелькнуло нечто. Словно какой комок шерсти или зверек.

Крыса?!

Девушка села на постели, подтянув под себя ноги и укрываясь одеялом. Вспомнились страшилки об отгрызенных носсах.

Надо положить под подушку пистолет!

Девушка прислушалась. То ли неведомый зверек испугался и затаился, то ли померещилось со сна. Всякое бывает.

Страх улетучился. Откуда здесь крыса, да еще такая большая? Нет в комнате таких щелей! Меньше надо страхов выдумывать на ночь глядя! Дома тоже бывало: читаешься книг про всяких зомби с вампирами, а потом мерещатся прямо в квартире.

Девушка медленно, поневоле заставляя себя, вытянулась на кровати. Какие-то опасения еще подспудно жили в глубине души.

Закрыла глаза. Потом остороженько приоткрыла один и едва не вскрикнула, увидев вдруг мохнатую лапку. Но вслед за ней появилась забавная лохматая мордочка с большими и такими добрыми глазами, что страх улетучился без следа.

– Ты кто? – тихо спросила девушка, словно зверушка могла не только понять вопрос, но и ответить на него.

– Я – Прокоп, – чуть тонковатым, но всё же мужским голосом отозвалось диво.

«Сон», – с облегчением подумала Юлия.

– Никакой я не сон! – сварливо отозвался Прокоп, словно прочитал чужие мысли. – Домовой я. Третий век уже хозяевам служу. Они как новый дом отгрохали, так сразу вежливо меня пригласили. Мол, живи, Прокопушка, не тужи. Следи за порядком. Как же иначе-то? Я – душа дома.

Сказано было с непередаваемой гордостью, что в сочетании с внешностью – домовой был похож на добродушного говорящего зверька – придало речи слегка комический оттенок.

Юлия осторожно выпростала руку, коснулась лохматой головы. Впечатление, будто ласкаешь пушистого кота.

Прокоп воспринял ласку как должное. Но что-то вдруг стало меняться внутри Юлии. Дом, окрестные леса и поля вдруг показались своими, стали важной частью души, без которой жить невозможно. Однако возможны ли домовые? Наверняка происходящее просто сон. Мало ли что может присниться? Раз уж вокруг – далекое прошлое, иная жизнь, иные законы и правила, то и сны могут быть иными.

– И тебя все здесь знают? – Русскую мифологию Юлия знала плохо. Никак не могла вспомнить, прячутся домовые или нет? Какие-то неясные слухи, будто домовой может пугать, выживать из дома неугодных ему людей.

– А как же! – подбоченился Прокоп. – Я с самим хозяином иногда беседую! Хороший он человек, добрый, заботливый, только до сих пор не женат. Разве порядок?

– Его право.

– Не только его! Не мальчик, должен понимать: дому хозяйка нужна, а человеку – его половина, – домовой посмотрел на Юлию с такой надеждой, словно она этой половиной и была. – Война не вечна. Рано ли, поздно, вернется в дом. Не одни мы его ждать будем.

Возражать девушка не стала. Не хотелось огорчать забавное создание. С таким только дружить, слушать его чуточку сварливый голос да тормозить шерсть на небольшой голове с умными глазами.

– Ладно. Спи. Скоро и петухи пропоют. А у меня еще дела. Хозяйство большое, везде присмотр нужен.

Странно, но обычно с трудом засыпающая девушка быстро скользнула в сон. А снилось ей...

Впрочем, не все сны стоит пересказывать.

– Господа, князь возвращается!

Полдюжины офицеров сидели кружком. Люди накормлены и отдыхают, можно позволить себе выкурить по трубочке под неспешные разговоры, пока привал не прерван приказом о дальнейшем выступлении. Увы, всё ближе к Москве.

Но по всему чувствовалось: скоро генеральная баталия. Обязательно произошла бы у Царева-Займища, только новый главнокомандующий решил не рисковать сразу по приезде и предпочел отойти еще немного. Сотня верст не сыграет большой роли. Как и несколько лишних дней. Арьергарды дерутся непрерывно, да и в тылу у французов вряд ли царит покой. Еще от Смоленска по вражеским коммуникациям пошел в рейд отряд генерал-адъютанта Винценгероде.

Полковник как раз ездил в штаб узнать, что слышно нового, и потому офицеры с интересом смотрели на приближающегося командира. Благо тот направился как раз к их биваку.

– Ваше... – на правах старшего начал было докладывать Арсений, но Вадбольский лишь махнул рукой. Мол, всё вижу, всё знаю. Легко спрыгнул с коня, шагнул к офицерам.

– Чаем не угостите? Признаться, с утра маковой росинки во рту не было.

Ему протянули стакан. Князь отхлебнул с явным удовольствием, потом выдохнул:

– Кажется, встанем. Видел полковника Толя. Он мне сообщил, что позиция уже выбрана. У деревень Семеновское и Бородино.

Арсений едва не выронил трубку. Сразу вспомнились слова гостьи и ее спутника. Значит, всё правда? Крупное сражение, затем – оставление Москвы, действия партизан, бегство неприятеля прочь, вхождение в Париж... Уловил на себе пристальный взгляд командира, зачем-то пожал плечами.

– За такую новость и выпить не грех! – Но сердце невольно заболело, едва Арсений вспомнил, что произойдет дальше. Это же Москва, город, известный каждому! И вдруг – отдать завоевателю на погибель!

Кто еще знает о пророчестве? Только дядюшка и полицмейстер. Как они отнесутся к девушке, когда узнают о сражении и о том, что первопрестольная оставлена врагу?

– Никакой выпивки, господа! Через полчаса выступаем. Верю, каждый честно исполнит свой долг, – Вадбольский допил чай, поднялся и вскочил в седло. – Готовьтесь, господа!

– Поднимайте гусар! – эхом отозвался Арсений. – Передайте: скоро схватимся с французами!

Но душа ныла. Идти в сражение и знать, что главная цель так и не будет достигнута. Раз дальше вновь будет отступление, значит, разбить Наполеона не удастся. Только всё равно ведь кампания завершится победой русского оружия. Значит, жертвы не будут напрасны.

Да и могут ли быть напрасны жертвы, если речь идет о судьбе Отечества?

Слинять не удалось. Куда убежишь, когда тебя гонят строем и кругом одни военные? Да и ненавистный мундир на плечах. Любой встречный сразу признает солдата и задастся вопросом: почему он один? Крестьяне все сволочи, в этом Саня убедился, как только попал в прошлое. Вряд ли отношение к дезертиру будет хоть немного лучше. Насмотрелся во время марша, наслушался разговоров, мол, не выдавайте, не пускайте на землю отцов!

Понять их тоже можно. Лучше уж свой исправник или управляющий, чем чужие солдаты. Те же грабить станут, насиловать, может, насмерть пришибут кого. Только разве от понимания легче? Ведь не станут же укрывать беглого защитника! Выдадут с потрохами, а то и разделаются по-свойски. С них станется.

Сдаться в плен? Тоже глупо. Французы проиграют, и так ли нужны будут им пленные? Замерзнешь вместе с «Великой армией» посреди бескрайних снегов. Нет, похоже, единственный выход – это заболеть и попасть в госпиталь. На больницу не похоже, уход совсем хреновый, однако всё лучше, чем воевать, словно последний дурак!

Ради чего пропадать?

Вот если бы попасть сюда пораньше, можно было добиться большего, по крайней мере, научиться стать незаменимым, не загреметь в рекруты. Убраться подальше к Уралу, в конце концов!

Можно еще перебежать к французам, предупредить о дальнейшей судьбе. Но даже если выслушают, кто же поверит, если цель похода уже близка?

Остается лишь заболеть. Откровенной симуляции не поверят, жалостью командиры не страдают. Вон как гонят вперед навстречу накатывающейся к Москве армии! Милорадович, расфранченный, с шарфами немыслимых расцветок, то и дело проезжает вдоль движущихся колонн, торопит, боится не успеть к грядущему сражению. А тут болят натруженные, непривычные к дальним походам, ноги, тяжелое ружье невозможно нести, давит ранец, запрещено даже расстегивать пуговицы на мундирах. Издевательства по полной программе. И никаких возражений. Солдаты терпят, словно так и должно быть.

Хорошо тому пышному гусару. Наверняка спокойно проводит дни и ночи с Юлькой. Небось не дурак, на бойню спешить не станет. Он офицер, захотел – вышел в отставку. Никто не осудит. Тоже ведь слышал о сражении при Бородино. Сидит сейчас в собственном имении, а когда войска пойдут в другую сторону, может, и присоединится. Лавры, трофеи, ордена, чины...

Эх, надо было все-таки перебраться поближе к Юльке.

Ночевки прямо на земле, купание в редких водоемах, старательное призывание болезни... Отлежаться в госпитале, а там вдруг и удастся пристроиться в тылу.

Главное – это выжить!

– Вперед, марш-марш! – Команда немедленно была продублирована сигналом трубы.

Эскадроны дружно тронулись с места. Медленно, потом всё быстрее и быстрее, не теряя равнения, словно речь шла не о битве, а о параде. Ментики в рукава, усатые лица раскраснелись от боя. Первая шеренга привычно наклонила пики, вторая взвила в воздух сабли.

Галоп, стремительно накатывающийся навстречу строй французских латников...

Раковский мчался на положенном месте, впереди гусарского строя. Ветер овеивал лицо, словно его можно было остудить самой бешеной скачкой. В мире не существовало ничего, лишь приближающиеся неприятели, и хотелось поскорее столкнуться с ними, рубить с наскока, валить на землю, в которой их никто не ждал. По паре метров на каждого – вполне можно позволить. Сколько их тут поместится!

Столкновение, а дальше – молниеносная кавалерийская свалка, не имеющая ничего общего с поединками один на один. Калейдоскоп мелькающих фигур, то в сверкающих кирасах, то в родных темно-синих мундирах. Рушатся на беззащитную плоть тяжелые палаши, парирование, удары, когда – удачные, гораздо чаще – нет, а противника уже отнесло в сторону, и бьешь следующего, чтобы или выбить его, или так же разминуться.

Никто не хотел уступать. Одни рвались к заветной цели, другие – защищали родную землю. Артиллерия гремела, и отдельные выстрелы сливались в неумолчный гул, в котором тонули и крики людей, и ружейные залпы.

Наконец, латники не выдержали, повернули, будто это могло спасти их от разгрома.

Раковский догнал кого-то, с оттягом рубанул так, что противник сразу выпал из седла, и тут сквозь охвативший азарт услышал аппель. Сразу стала ясна причина сбора. Слева, собираясь ударить во фланг расстроенным схваткой эскадронам, неслись польские уланы.

Гусары лихорадочно строили фронт. Они не успевали, только откуда-то из сплошных клубов дыма вынырнули стройные шеренги русских драгун. Что за полк, Раковский не рассмотрел, потом сочтемся за помощь. Пока же...

– Вперед, марш-марш!

Но как же жарко! Не скажешь, что август на исходе. Ничего. Выдюжим! Пусть Москва окажется им всем братской могилой!

Подвергнувшись удару сразу с двух сторон, уланы повернули, подставляя спины. Прозвучал ли аппель на этот раз, Арсений сказать не мог. Удивившие поляки вдруг исчезли, а впереди возникло стройное каре пехоты. Разрозненные группки гусар даже при желании не могли прорвать строй, но все-таки неслись на оцетинившиеся штыками ряды. Залп прозвучал почти в упор. Конь под майором вдруг полетел на землю, и Раковский едва успел выскользнуть из стремян. Вроде цел. Даже сабля привычно болтается на темляке. Кто-то подскочил сзади, прохрипел:

– Ваше высокоблагородие! Сюда!

До французов было шагов тридцать, и медлить Арсений не стал. Вскочил на лошадь позади гусара, успел отметить, что лежавших на земле в родном синем не так много, большинство гарцует в отдалении или торопливо отходит к едва виднеющимся вдали родным штандартам. И повсюду носятся оставшиеся в одиночестве кони.

Одного удалось поймать по дороге. Раковский наскоро успокоил животное, запрыгнул в седло. Судя по прибору, уланское. Нечего было поляку лезть в чужие пределы!

Наскоро проверил пистолеты. Заряжены. Прежний владелец то ли не успел из них выстрелить, то ли проявил прыть и перезарядил после использования.

Да какая разница?

– Арсений Петрович, как ты? – Вадбольский с перебинтованной головой, без кивера, с тревогой посмотрел на офицера. Сразу отметил чужую лошадь, прорванный в нескольких местах ментик, разбитый кивер.

– Цел, – на самом деле сильно болела левая рука, кажется, до нее все-таки дотянулась вражеская сталь, ныло отбитое при падении колено, но ведь на ногах, в седле держаться может, драться – тоже, бой продолжается, а прочее – мелочи, не заслуживающие упоминания.

Князь кивнул. Он сам был таким же и не сомневался в праве офицеров самим решать, что делать. Да и до ран ли нынче? Тут хоть зубами, но держись.

– Опять прут. Вроде саксонцы, – полковник кивнул на показавшуюся вдали сверкающую шеренгу. – Хотят по пехоте ударить. Думаю, сумеем взять их во фланг. Чуть подпустим для верности...

Впереди сразу несколько ядер взрыло землю. Еще немного, и ударили бы прямо по строящимся мариупольцам. Слева в ответ гроыхнула своя батарея. Клубы дыма поползли над полем, рассеялись, а артиллеристы уже сноровисто перезарядили пушки и выстрелили еще раз.

Еще дальше шли колонны к атаке какого-то пехотного полка, только рокотов барабанов отсюда не было слышно за канонадой. Заметили вражескую кавалерию, торопливо стали перестраиваться в каре.

– Командуйте левое плечо, Арсений Петрович! Я атакую с первым батальоном. С богом!

Раковский повернулся к поредевшим шеренгам.

– Гусары! Не робеть! За веру и Отечество!

– Ура!

Саксонцы заметили атаку, попытались на ходу повернуть, только не успели. Строй их был мгновенно смят, и вновь разыгралась бессчетная кавалерийская карусель.

– Ваше высокоблагородие! Драгуны!

– Аппель!

Но теперь не успевали уже мариупольцы. Да какая разница, сколько врагов? Руби и коли, пока есть силы. А нет сил, всё равно дерись... Пусть навеки запомнят деревушку с неприятельным названием Бородино...

– Скусить патрон!

Великая вещь, армейская подготовка. Саня проделал всё машинально, совсем не задумываясь над действием. Немного пороху на полку, остальной высыпать в дуло, засунуть туда же бумагу, послужащую теперь пыжом, заложить пулю. Затем резким движением шомпола вбить это всё до места. Взвести курок.

– По кавалерии! Целься точнее!

Избежать участия в сражении не удалось. Только теперь появился кашель, засопливило, однако перед самым боем никого болезни не волновали.

Если бы немного раньше!

Кажется, от топота копыт вздрагивала земля. И никуда не деться от прущей кавалерии. Побежишь – зарубят, а пока еще можно выкарабкаться. Хочешь жить, значит, стой.

Но как же страшно! Вот сейчас налетят, втопчут в пыль и, не заметив содеянного, помчатся дальше. У них даже лошади кажутся со слонов.

– Пли!

Треск, легкие дымки несгоревшего пороха, в которых чуть расплылась страшная картина.

Кто-то вылетел из седла, несколько лошадей рухнуло, прочие понесли прочь. Рядом с Саней какой-то не то чересчур отважный, не то незадачливый кавалерист с разгону налетел на выставленные штыки. Длинные ружья не дали драгуну дотянуться до пехотинцев палашом. Конь взвился на дыбы и упал, погребая под собой всадника.

– Заряжай!

Кое-кто из французов еще носился вдоль строя, однако даже молоденьким рекрутам было ясно: атака не удалась.

– Запомните! Никогда кавалерии не взять пехоту, если та выполняет свой долг! – прокричал сзади застывший на лошади полковник.

– Ура! – искренне, хоть чуть не к месту рявкнули солдаты.

– Пли!

Жаль, бой не ограничивается кавалерийскими наскоками.

Какой-то хлопок послышался правее, а следом – вскрик боли.

– Сомкнуть ряды!

– Ядро, – деловито пояснил сосед Сани. – Щас начнут нас бить.

Саня стоял во второй шеренге, впереди был еще солдат, но разве это защита от прилетающего чугуна? Приходилось стоять и смотреть на взрываемое чужой артиллерией поле. Счастье, что пушки были несовершенны, и большинство ядер или не долетало, или пролетало над головами.

– Что кланяешься? Знакомую увидел? – обронил сосед, когда парень в очередной раз попытался вжать голову в плечи. Словно это могло помочь против слепой смерти!

Дым, грохот, и вдруг прямо по опасному полю рысью проследовала кавалькада генералов и офицеров. Породистые кони, парадные мундиры, звезды, ленты, ордена, белые султаны на шляпах... Они ехали, будто совершая прогулку, не обращая внимания на летающие ядра, словно те были безобидными мухами.

– Барклай! – выдохнул кто-то в строю.

Командующий что-то сказал, и один из адъютантов тут же галопом помчался передавать приказание.

Вид начальства, спокойно катающегося под ядрами, взбодрил застывшее каре. В стороне объявилась батарея. Артиллеристы сноровисто отцепили пушки и сразу начали стрелять. Кавалькада проехала, и сквозь дым можно было увидеть медленнодвигающуюся сюда вражескую пехоту.

– В колонну к атаке! – зычно выкрикнул полковник. – Братцы! Не выдавай! Послужим царю-батюшке и Отечеству!

И тут что-то грохнуло рядом с Саней. Стоявший рядом солдат рухнул без звука. Другой со стоном начал оседать на землю. Оказалось, их тут лежала целая груда, человек пять, не меньше. От вида убитых стало плохо. Жгло локоть правой руки. Саня боязливо покосился и увидел разорванный рукав и проступившую в прорехе кровь. От мысли, что эта – своя, стало дурно. В глазах потемнело, и сознание милостиво покинуло перепуганного парня...

* * *

На сердце было беспокойно, словно где-то происходило нечто нехорошее или кому-то из близких угрожала беда. Но во всем мире близким был один человек. Значит, с Саней?..

Пусть не показывается, забыл, но все-таки...

Может, просто занят тем, что выбивается на верхние ступеньки здешнего общества? С нуля, без связей и знакомств, лишь силою своего таланта и знаний... Это же не придуманный

фэнтезийный мир, в котором герою обязательно попадется несколько магических артефактов. Или он изначально будет человеком из древней легенды. В нынешних обстоятельствах женщина поневоле будет обузой. До равноправия еще далеко, представительницы слабого пола сами пока могут немного. Саня же – человек гордый. Не появляется – значит пока не может ничего предложить.

Сколько ему понадобится времени? Да еще война некстати...

Человек грядущих эпох просто обязан быть умнее предков. Терпимее, образованней. Следовательно...

Беспокойство не проходило. Юлия прогулялась верхом, уверенно держась на галопе. Даже пару раз выстрелила из пистолета, причем один раз – попала. Чувство такое – хоть сейчас в бой. Лишь бы достойного врага найти, пусть даже им окажется очередная ветряная мельница. Еще бы немного денег, и можно выступить хоть против всего света...

Она бы выступила, отправилась в путь, если бы знала куда. В какой стороне хотя бы та же Калуга? Навигатора ведь нет. А как без него пускаться в дорогу, когда и дорог нормальных нет?

Почему же так тревожно? Может, на Саню напали разбойники?

Вокруг лежали трупы. Вид их был ужасен. Но человек привыкает ко всему. Нельзя непрерывно ужасаться, в каком бы отвратительном виде не предстала смерть. Бывает ли она вообще в гламурных нарядах?

Канонада еще гремела, однако сражение понемногу угасало. Нигде не перемещались квадраты пехоты и развернутые кавалерийские линии. Люди устали, и уже никто не сумел бы их заставить продолжать бойню. Сил хватало лишь чтобы стоять, демонстрируя противнику полное презрение к смерти.

Куда идти? Сдаться в плен? Но что там может быть хорошего? Саня помнил, чем закончится нашествие. Если сами французы передохнут от голода и холода, то какая тут забота о пленных? Погибнешь вместе с ними, и всё. Значит, надо идти к своим. Оставаться здесь одному нельзя.

Саня попытался понять, где и чьи шеренги стоят в отдалении. Там вроде синие. Значит, французы. Что ж, надо идти в противоположную сторону. Правый рукав был в крови, однако болело не сильно. Ныло, да вдобавок в теле поселилась такая слабость, что каждый шаг давался с трудом. Саня подобрал чье-то ружье, оперся на него, словно был ранен в ногу, и поковылял дальше.

Оказалось, по дороге лежали не только свои. Тут же валялись солдаты в чужих мундирах, хотя саму схватку Саня пропустил. Ладно хоть, не затоптали. Иногда до слуха доносились стоны, кто-то еще не умер и лежал в надежде на помощь. Какая помощь, если сам едва живой? Идти трудно, поле перепаханно, кругом тела, если же еще кого-то тащить...

Путь показался бесконечным, но вот от сильно поредевшего строя кто-то бросился навстречу, увидел рану и показал в сторону лазарета. Никто не достал носилки, не помог идти. Раз ноги есть, то добирайся сам. И ведь добрался и только там понял главное: сражение было лишь преддверием ада. Сам же ад был тут, и даже воздух был пропитан людскими страданиями. Тошнотворные запахи, стоны, здоровым людям тут не было места. А раненым... Куда же им деваться?

Тяжелых, а то и просто умирающих было столько, что на Саню почти не обратили внимания. Кто-то, парень даже не понял кто, перевязал руку, а потом выходец из будущего был просто всеми забыт. Не прогнали, и ладно. Хочешь – лежи здесь прямо на земле, хочешь – возвращайся в полк.

Санек, никого не спрашивая, прошел чуть вперед. Там уже грузили раненых на подводы и отправляли в тыл. Никаких специальных повозок, просто еще накануне сражения

кто-то из ответственных лиц собрал всё, что подвернулось под руку, и кое-как приспособил для перевозки пострадавших. Редкие брички, как водится, использовались в основном для офицеров, солдатам же доставались обычные телеги. На сено укладывали столько людей, сколько могли, и сразу пускались в путь. Кто мог идти, шел рядом, держась за какую-нибудь выступающую часть.

Саня чуть поколебался, а затем пошел вместе с вытягивающейся едва не до бесконечности колонной. Куда угодно и как угодно, лишь бы подальше от ужасов войны.

А за спиной еще грохотал артиллерийский гром...

Оказывается, внешность тоже может приносить огорчения. Юлия была привлекательной девушкой и знала это. Как истинная женщина, она гордилась своей внешностью, радовалась восторженным мужским взглядам. Можно сколько угодно говорить о равенстве полов, быть логичной и целеустремленной, только есть качества, которые заложены в нас биологически, и ничего с ними не поделать. Например, стремление быть красивой.

Теперь, первый раз в жизни, природные данные играли против нее. Как ни пыталась Юлия замаскироваться под мужчину, ничего у нее не получалось. Дело было не в мужских костюмах. Дело было не в размерах. В крайнем случае, где-то можно ушить, где-то укоротить. Только никакие ухищрения не скроют определенные выпуклости, и даже корсет не помог.

А лицо! Юлия с раздражением смотрела на себя в зеркало. Разве кто поверит, что перед ним – представитель так называемого сильного пола? Еще эти длинные вьющиеся волосы, которыми девушка так гордилась! Не носят сейчас мужчины такие. Остричь? Каким образом кавалерист-девица умудрялась провести мужиков? Или сама была мужеподобной?

Не получается ничего с переодеванием! Синий фрак не подходит. Даже оставшийся от хозяина старый гусарский мундир, синие штаны (Юлия не знала их названия – чикчиры), красный доломан и синий ментик выдают в ней женщину. Хоть бороду приклей, всё равно разве что слепой поверит. Да и где ее взять, накладную бороду?

Юля в досаде топнула ножкой. Она только вчера узнала о судьбе своего спутника и немедленно решила мчаться на помощь. За долгое лето девушка научилась скакать на коне, неплохо стрелять из пистолетов, даже немного фехтовать на саблях. Сверх того, немного разбираться в здешних обычаях, нравах. Теперь бы она так просто не попала. Но что делать с внешностью? Здесь не принято, чтобы женщины путешествовали в одиночку, о равенстве полов еще не слышали, а уж о пребывании женщины на войне – и подавно. Кавалерист-девица не в счет, она неведомым образом скрывается под видом мужчины.

О том, чем она может помочь парню, Юлия не думала.

Чем вообще можно помочь солдату на войне?

– Вывозить нас отсюда будут? – В отличие от аборигенов, Саня твердо знал: в ближайшее время Москва будет оставлена. После чего в нее войдут французы и вспыхнут пожары. Большинство жителей покинут город, а тем, кто останется, завидовать нечего. Кормить никто не станет, где жить посреди сожженных домов – непонятно, французы займутся грабежом, и человеческая жизнь будет стоить меньше копейки.

– Куда вывозить? Чай, Москва, – не понял Прокоп.

Пожилой солдат, раненный, как и Саня, в руку, был за санитаря. В мещанском доме, где в тесноте размещены почти два десятка раненых, никакого другого медперсонала не было. Раза три в день сюда заходил лекарь. Осматривал, только его лечение в основном ограничивалось редкой сменой повязок да некими общими указаниями. Один солдат уже умер, был увезен на кладбище, и еще странно, что остальные пока были живы. Похоже, что медицина руководствовалась простейшим принципом: кому суждено, тот и выздоровеет.

Хоть кормили, а могли бы и об этом позабыть.

Короче, санитарное дело было поставлено неважно. Да и что ждать от медицины начала позапрошлого века? Хорошо, рана на руке потихоньку заживала и почти не беспокоила. Кость не задета, остальное не страшно. Зато Саня с изумлением обнаружил, что мечты имеют подлое свойство сбываться. Особенно мечты идиота. Не столь давно тянуло заболеть, и вот оно свершилось. Температура, тяжелая голова, мокрая рубашка, кашель, насморк – и никаких лекарств.

Хозяин дома расщедрился, заварил малину, выделил меда, и ночь прошла в жару и бреду. Оставалось неясным: пошло дело на поправку или болезнь укоренилась так глубоко, что выгнать ее можно будет с огромным трудом.

– Москва... – протянул парень.

Скажешь о ее скором оставлении, так ведь не поверят. Вокруг сплошные разговоры о защите города, который даже не является столицей России. Говорят, что губернатор в решающий момент бросит клич, собираются все встать грудью на подступах... Меж тем самое умное – уходить, пока не стало поздно и по всем дорогам не хлынули бесконечные людские толпы. Но как это доказать? Далеко ли уйдешь один? Сюда хоть некоторую часть пути удалось проделать, сидя на краешке переполненной ранеными телеге. Пешком сто с лишним верст Саня бы не прошел. В нынешнем же состоянии – и подавно.

– То-то и оно, братец. Кутузов ее в жизнь не отдаст, – убежденно поведал Прокоп.

Плохо он знал главнокомандующего!

Оставалось последнее – неким образом убедить хозяина, что Москву надо покинуть. Наплести про видение, они тут дремучие и многому верят, даже сказать, мол, во искупление город будет захвачен, зато это послужит концом французам, и русское знамя в ответ взвьется над Парижем. Быть же Москве под французом до холодов. Потом побегут сами, чтобы устлать своими трупами дорогу до самой границы.

Вдруг подействует?

Вдали полыхало зарево. Не верилось, что пожар объят весь город. Тот самый, в котором родилась и выросла Юлия. Вернее, в котором она родится спустя много-много лет. Несколько страниц в учебнике по истории, не принятые всерьез, так, общие сведения, оказались, были страшной реальностью. Пусть девушке не удалось посетить Москву до пожара, да и выглядела она иначе, чем привычная, многоэтажная, однако всегда воспринималась родной.

Дорога была забитой. Сплошная вереница разнообразных повозок, просто идущих людей, между ними – колонны усталых солдат. То и дело сновали верховые. Едва не каждый оглядывался, смотрел на пламенеющий небосвод, крестился, невольно вздыхал...

Никто не обращал внимания на путницу. И мужской «штатский» наряд на ней, и сидит она в седле по-мужски, но до того ли в трудную минуту? Пусть едет, как хочет.

Юлия и ехала. Напряженно всматривалась в солдатские ряды, словно можно найти среди множества воинов одного. Форма делает людей одинаковыми. Лица суровые, покрыты копотью и пылью, однако мундиры, порванные и почти всегда грязные, застегнуты на все пуговицы.

Иногда медленной рысью в общую череду вклинивалась кавалерия, а уж простых людей столько, что было понятно: жители покидают обреченный город.

Как в таком потоке найти того, кто нужен?

От идущей прямо по полю кавалерийской колонны отделился гусар и галопом помчался в сторону девушки.

Сердце вздрогнуло. Мало ли какие неприятности сулило приближение военного? Тот резко остановил коня рядом и выдохнул:

– Юлия Михайловна, вы? Откуда? Какими судьбами? А я гляжу... – и вдруг сурово покосился на сопровождающего девушку старого Архипа. – Что я тебе велел?

– Это я настояла, – твердо ответила Юля. – Здравствуйте, Арсений!

Она была рада встрече, ведь хозяин поместья был едва не единственным знакомым человеком в этом мире. Если не брать в расчет слуг и крестьян. Да и вел себя Раковский порядочно. Помог, чем был в состоянии, пусть только ей, не обратив внимания на ее спутника.

Сейчас, в некотором отдалении от полыхающего города, гусар казался совсем не таким, как в первые дни их встречи. Теперь это был воин, человек, который знает, что делать. Да, сейчас он отступает вместе со всеми, однако видно: в любое мгновение Арсений готов к драке, даже если драться предстоит со всем светом. Поневоле позавидуешь его избраннице!

А как смотрит! Столько восхищения во взгляде, что комплименты не нужны.

– Вам здесь не место, Юлия Михайловна, – голос гусара был тверд. – Французы – ерунда. У них разброд не меньше нашего. Не станут они нас преследовать после сражения под Бородином, – последнее слово было выделено. Арсений признавал правоту гостыи. – Взгляните, это же великое переселение народов! Сплошное неудобство, особенно для очаровательной барышни.

И ведь не признаешься ему, кого ищешь! Неудобно при виде искренней радости Арсения. Рад гусар встрече, очень рад, что бы при том не говорил. И говорит-то с явной заботой, переживая совсем не за себя.

– Ничего страшного. Одну-две ночи можно как-нибудь обойтись без удобств, – ответила Юлия. Ей доводилось ночевать и в палатке, и в спальном мешке.

Жаль, при себе не имелось ни того, ни другого.

Может, надо было послушаться Архипа и отправиться в путь в бричке? В ней ночевать удобнее, чем на голой земле. Судя по заповолившим окрестности людям, найти избу для ночлега будет тяжело. Конь устал, да и ехать прямо в ночь...

– Подождите, пожалуйста, – Арсений развернул коня и понесся к своей колонне. Оттуда донесся его зычный командный голос: – Петров! Давай вперед! Найди одно место для барышни! Подожди! Пяток гусар возьми! Хоть силой, но сделай!

– Слушаюсь! – Несколько человек рванули вперед.

– Подождите немного, Юлия Михайловна. Сейчас наши что-нибудь придумают, – Раковский снова был рядом. – А завтра с утра добудем вам бричку, и даже сопровождающих выделю.

– Я сама, – девушка привыкла решать всё самостоятельно. Но забота Раковского была ей приятна.

– Вижу, вы неплохо держитесь в седле. Про то, как вам идет мужской наряд, скромно промолчу. Но всё равно не стоило подвергать себя превратностям пути.

В ольстрах по бокам седла имелись заряженные пистолеты, так что девушка чувствовала себя в полной безопасности.

– Не могу я больше сидеть в четырех стенах, когда такое творится. Всё лето просидела, даже с Прокопом вашим познакомилась.

– С Прокопом? – удивился гусар. – И как он вам?

– Занятое существо, – улыбнулась Юлия. – Скажите, в каждом доме имеется такое?

– Как же иначе? Токмо показываются они не каждому. Если вы даже Прокопу моему приглянулись... – Гусар в восхищении развел руками.

Сумерки перерастали в ночь, жуткую из-за полыхавшего на полнеба пожара. В его красноватых отблесках мир приобрел фантастические черты. Отовсюду доносились возгласы, стоны. Казалось, что наступает конец света.

– Поедемте, Юлия Михайловна. Что ж стоять? Скажите... – уже тише спросил Арсений. – ... раз вам ведомо грядущее... Когда будет изгнан француз?

Зимой, чуть было не сказала девушка, но вспомнила, что климат сейчас другой и морозы приходят гораздо раньше декабря, как бы не в октябре.

– Со снегом вместе. Они замерзнут. Те, кого не перебьют партизаны.

– Слава богу! – Гусар снял кивер и перекрестился. – А Наполеона взять удастся? Хотя тогда зачем идти на Париж?

– Нет. Сумеет убежать. Сдастся он потом и умрет на острове Святой Елены, – название острова вовремя всплыло в памяти.

– На Елене, так на Елене, – улыбнулся майор. – Ладно. Зато Париж посмотрю. Да и по справедливости будет. Раз они побывали в гостях у нас, надо и нам сходить к ним с ответным визитом.

Сказано было с такой беспечностью, словно военная дорога была совершенно безопасной и на ней убить Арсения не могли. К лицу ли бояться гусару?

– Господин майор! Нашли! – Из темноты навстречу выскочил молодой гусар. Очевидно, тот самый Петров. – Я оставил там троих, чтобы никого не пускали.

Он только сейчас рассмотрел девушку и даже умолк на полуслове. Лишь сдвинул кивер набекрень и жадно пожирал Юлю глазами.

– Корнет Петров, – представил его Раковский. – Юлия Михайловна, – фамилии гости он называть не стал.

– Очень приятно. Позвольте вашу ручку, – расцвел молодой офицер.

Пожалуй, даже чересчур молодой. Лет семнадцать, не больше. Совсем мальчик, но уже воин.

– Показывай, что ты нашел. – Арсению не нравилось то внимание, которое Петров уделял его госте, но обрывать речи юного гусара он не стал.

Уже засыпая на кровати в крестьянской избе, где кроме нее оказался целый выводок помещичьих дочек, Юлия успела подумать: «А как там Саня?» Дальше усталость взяла свое...

Спать на голой земле было неудобно. Жестко, холодно. Хорошо еще, что шинель была при себе, и сие изобретение отцов-командиров мало чем напоминало пальто. В развернутом виде с отстегнутым хлястиком шинель казалась огромной, ее можно было подстелить под себя, да еще и укрыться.

Жар не проходил. Сейчас бы каких лекарств, удобную кровать с одеялом, заботливую маму, поправляющую подушку... Где всё это? Единственная повозка, да и в той лежит раненый штабс-капитан, а владелец оной тоже разлегся на земле. Зато удалось слинять из обреченной Москвы в предпоследний момент, пока на дорогах шли не колонны, а отдельные ручейки самых предусмотрительных.

Единственная лошадь оказалась клячей и едва тащила коляску, в которой кроме офицера кое-как поместились вещи владельца. В итоге Сане и двум другим солдатам, равно как и домочадцам, пришлось ковылять пешком. Далеко ли так уйдешь? Правда, первую ночь удалось переночевать в избе, прямо на полу, зато под крышей. К исходу же второго дня стали обгонять те, у кого кони получше и страх сильнее подгоняет в спины. Такой толпе жилья не хватит. Денежки же у некоторых водятся.

Штабс-капитан Калугин к беднякам не относился. К богачам тоже, иначе служил бы не в грендерах, а в гвардии, однако пять штук деревенок у родителей имелось. Иная беда, при себе наличности у офицера было мало. На войне она не столь нужна, а вот сейчас бы пригодилась.

– Нам бы верст сто пятьдесят продержаться, а там доберемся, – поведал юный офицер.

Левая нога его покоилась в лубке, одна рука не действовала, весь перемотан бинтами. Остается надеяться, что в благодарность за спасение не даст потом пропасть, оставит при

себе. А какой из него отныне воин? Тут выбор простой: или на тот свет, или отставка «за ранами».

Сто пятьдесят верст. Это сколько же идти? Допустим, двадцать верст в день. Выходит, неделю.

Саня закашлялся. Вроде только что задремал, и в дреме пришла к нему одна мысль. Если шире внедрять здесь кредит, то общество станет цивилизованней. Уговорить кого-нибудь, того же Калугина, к примеру, походатайствовать об открытии банка, пристроиться туда, да и жить припеваючи. Жаль, кашель разбудил, отвлек от грез и вернул к реальной жизни.

Зря он мечтал заболеть. Мечты иногда сбываются. И ничего хорошего в том нет.

Прошедший накануне дождь превратил дорогу в полосу грязи. Колеса повозок застре-вали в лужах, приходилось помогать лошадям. Солдаты большей частью шли там, где пожухлая трава позволяла хотя бы не вязнуть на каждом шаге. Ветер шелестел в кронах, сбрасывал на землю пожелтевшую листву. Звуки порождали невольную тревогу, заставляли людей вглядываться в густой лес. Сколько отрядов ушло и сгинуло без следа? Местные вар-вары словно не желают знать о правилах войны. Мало того что не везут продовольствие в город, хотя какая разница, кому продавать, так еще уничтожают тех, кто приходит к ним в дом с одним желанием: достать съестного. Упрямыцы упорно не желают признавать себя проигравшей стороной, хотя «Великая армия» стоит в их самом большом городе, в центре государства. Прочие народы в подобных случаях давно заключили бы мир, и только эти упрямятся, надеясь на чудо.

Как говорит любимый император, Бог на стороне больших батальонов! Вся Европа пришла покарать тех, кто противится воле величайшего человека. Пока же двум ротам и эскадрону приходилось идти по деревням, добывать провиант, без которого самая сильная армия превращается в скопище голодных ртов.

Эскадрон – сказано громко. После генеральной баталии кавалерия понесла такие потери, что любой полк стал эскадроном, а эскадрон – кучкой всадников. Да и кони страдают от бескормицы, едва двигаются, превратившись в скелеты.

С конноегерями было спокойнее. Головной дозор мог предупредить об опасности, дать время построиться в каре. Против пехотного строя никакие казаки ничего не сделают. Им только разрозненных солдат ловить или нападать внезапно.

Русские оказались легки на помине. Только что никого не было вокруг, лишь пустынно шумел лес, и вдруг из него вылетели всадники. Не казаки, гусары в темно-синих с золотой шнуровкой мундирах. Сабли наголо, уже занесены для удара, расстояние такое, что не о строе думать надо, а о собственном спасении. Отряд растянулся, словно шли не солдаты, а штатские беженцы, да и какой возможен порядок на дороге из грязи и воды?

Как же дозор проглядел?

– Руби супостата! За Отечество, гусары! – азартно прокричал немолодой офицер и первым с налета полоснул саблей подвернувшегося француза.

Бедолага попробовал прикрыться ружьем, да куда там! Сабля погрузилась в плечо, вновь взмыла ввысь, благо тел для рубки было хоть отбавляй.

Кое-кто успел выстрелить. Практически не целясь, создавая больше шуму и не нанося врагу урона. В нескольких местах группки солдат попробовали встать плотно, ошетинились штыками. Одну из них всё тот же гусарский офицер разорвал с налета, другую затоптали его подчиненные, однако кто-то устоял под первым ударом.

Ни о каком правильном сражении не могло быть речи. Гусары носились везде, сшиба-лись с немногочисленными конноегерями, гонялись за убегавшей пехотой, пытались достать

тех, кто запрыгнул на повозки или залег под ними. Спереди, со стороны дозора, тоже доносились звуки схватки, только никому не пришло в голову вслушиваться в происходящее там.

Сначала один солдат взметнул вверх руки в знакомом жесте, затем второй, а там и все, кто оставался на ногах. Глупо погибать, если плен сулит спасение.

– Пленных собрать. Раненых перевязать. Да, посмотрите, что в повозках. Успели кого ограбить или нет? – распорядился Раковский.

Только сейчас стало видно, что партизанская партия невелика, раза в два поменьше плененного отряда. В чистом поле никакого разгрома бы не случилось. Возможно, нападения тоже.

Зато теперь хоть кормить будут. Мертвым-то уже всё равно, а живые устали от холода, от голода. Что толку в награбленных богатствах, когда нечего есть?

Будем считать, что к лучшему.

– Петров! Донесение нашему князю! Четверо пленных офицеров, полторы сотни солдат. Да еще порублено немало. Сейчас посчитаем, – Раковский был весел и бодр.

Пусть нынешняя война считалась малой, так ведь, понемногу да потихоньку, и «Великая армия» исчезнет, словно не приходила никогда на Русь.

Не знали чужаки старой русской пословицы, что дома и стены помогают. В данном случае – лес. Да только ли лес! Так называемая нечисть и та ополчилась на пришельцев, посягнувших на ее территорию и уклад. Это ведь местные лешие указали местечко для засады да отвели супостатам глаза.

– Спасибо! – прокричал лесу майор.

Права оказалась прелестная гостья. Приходит конец нашествию. В одном ошиблась Юлия Михайловна: не дождется корсиканский узурпатор морозов. Раньше из Москвы побегит. По снежку его гнать будем. От стен ли Смоленска, еще дальше. Просидел на месте лишнее время, теперь познакомится в бегстве с русской зимой. В снегах его и закопаем, чтобы другим неповадно было.

Ладно, его армию. Сам пусть помирает на Елене ли, на Жозефине... Не девичьим ушкам слышать подобное.

Раковский радостно улыбнулся. Сам бы он предпочел умереть рядом с Юлией.

Где она сейчас? Хочется верить, что в поместье. С нее станется...

С нее действительно случилось. Конь слушается, стрелять научилась, Саня исчез, а делать осенью в поместье нечего. Знакомые появились. Общая беда сближает, и в поместье стали заезжать соседи, а главным образом – соседки. Мужчины почти поголовно отправились в армию или в ополчение, оставшиеся занимались заготовками для армии, и в деревнях оставались в основном жены, дочери и многочисленные беженцы из тех, чья родня проживала в Калужской губернии и кому не хотелось отправляться еще дальше в глубь страны. От них Юлия узнала много полезного, но в целом в подобном обществе было невыносимо скучно. С Прокопом и то куда интереснее. Домовой прожил долгую жизнь и помнил то, что уже забыли люди, а уж Юля не знала вообще. Российская история в перечень интересующих ее тем не входила, и многое из сказанного звучало откровением.

Деятельной натуре девушки бесед было мало. Если бы жизнь текла обычным чередом и в окрестностях проводились балы, можно было бы стерпеть обыденность, однако какие развлечения, когда французы буквально рядом?

Оставалось одно: искать своего суженого. Благо армия расположилась лагерем в Тарутине, все это прекрасно знали. Где еще быть солдату?

Или он уже офицер? Вряд ли. Не вяжется образ парня с военным человеком. Чиновником, вельможей – да. В бою его представить трудно. Вот Арсений – иное дело. С ним любая

опасность не страшна. Жаль, что он не в ее вкусе. И внешность, и возраст... А всё равно, какой мужчина!

Интересно, он в лагере или бьет французов в партизанах? Вряд ли настоящий гусар станет отсиживаться в безопасном местечке, если есть возможность подраться.

Юлия против воли всё чаще думала о владельце поместья. Станный человек, настолько непохожий на всех ее предыдущих знакомых, что поневоле вызывает интерес. Или они в этом времени все такие?

В пути легко не было. Грязь, в которой легко могла застрять повозка, бесконечные повороты, ухабы, лужи... Юлия вновь не стала слушать Архипа и пустилась в путь верхом. Грязь подстраивала пакости и тут, вылетала из-под копыт, зато не приходилось выталкивать бричку или ждать, кто сможет это сделать. А уж на машине здесь вообще было бы не проехать.

В сопровождающих вновь был отставной гусар. Он же вел в поводу третью лошадь, нагруженную всякими полезными в дороге вещами и просто гостинцами. Хороший предлог – навестить в лагере Арсения. Старый ворчун с готовностью поддержал девушку и отправился в путь без возражений. Архип откровенно тосковал, оказавшись на некотором расстоянии от войны и от своего нынешнего барина и бывшего командира.

Ничего не напоминало предыдущее путешествие. Тогда движение было навстречу, люди покидали Москву, кое-кто умудрялся вывезти скарб, везли много раненых. Теперь встречными были разве что редкие всадники, скакавшие с различными донесениями, да бредущие колонны пленных французов. Попутно, к тому же Тарутину, двигались бесконечные обозы с продовольствием и амуницией. Попадались колонны бодрых солдат, то ли новобранцев, то ли выздоровевших после ранений. Шли ополченцы. Несколько раз проходили казаки. Соседи наперебой рассказывали друг другу, что Дон поднялся едва не поголовно, и теперь полки прибывают к светлейшему едва не каждый день. Прибывает пополнение, и скоро армия вновь достигнет прежней численности, а то и превысит ее.

Шла сила, и незадачливому завоевателю оставалось или покориться ей, или бежать без оглядки, если еще возможно. Вокруг все говорили о доблестных поселянах, самостоятельно уничтожавших партии французов, об армейских партизанах, нарушающих вражеские коммуникации. Имена Давыдова, Сеславина, Фигнера, Дорохова не сходили с уст. Народ, невзирая на разницу сословий, объединился вокруг трона и веры и желал лишь одного: полного уничтожения неприятеля.

– Завтра к полудню доедем, – порадовал Архип, которому доводилось ездить по здешним местам.

Но неприятности начались задолго до раннего осеннего вечера. Избы в придорожных деревнях оказались забиты вставшими на кратковременный постой солдатами, офицерами, штатским людом, спешившим к армии, и переночевать оказалось решительно негде. Проводить же ночь в открытом поле, да с грязью и лужами...

– Можно повернуть туда, – Архип что-то прикинул и указал на отходящую в сторону дорогу, скорее тропинку, настолько она казалась заброшенной. Лишь некие наметки пути, а между колеями – остатки травы. – Там, ежели память не изменяет, деревенька небольшая была. Стоит на отшибе, народу быть не должно.

– Веди, – Юлия устала. С утра в седле, и не первый день! Ей хотелось одного: немного отдохнуть, чтобы завтра не выглядеть изможденной мумией. Да и двигаться в темноте и трудно, и бессмысленно. Даже лошадь устала.

В низинках уже собиралась тьма. Деревья чуть шелестели уцелевшей листвой. Не той, недавней, радующей глаз разноцветьем, а окончательно пожухлой, грязной. Поля убраны, и теперь на них не было ничего, кроме той же грязи. Меж тем серое и днем небо помрачнело еще больше. Стало казаться, что еще немного, и наступит полноправная ночь, мрачная, без

единого огонька и ориентира, однако за очередной опушкой и впрямь замаячила небольшая, в десяток дворов, деревенька. Залаяли собаки, кто-то выглянул наружу.

Ночлег...

Крик первых петухов Юля проспала. Лучшее средство от бессонницы – хорошая усталость.

Проспала она и вторых, и сумела встать только с третьими. Может, и с четвертыми, кто этих голосистых пернатых разберет? Пока привела себя в порядок, пока позавтракала, чем бог послал...

Бог щедрым не был, разносолами не баловал. Не поместье – крестьянская изба, да еще в военное время. Но, наконец, сборы закончились, и девушка уже приготовилась прыгать в седло, когда вдали, с противоположного края, показалась большая толпа.

– Французы, – выдохнул Архип и потянул ружье. И сразу же с облегчением: – Да то ж пленные! Вон, наши сопровождают вражин!

Точно. Впереди и по сторонам колонны ехали гусары в таких же синих мундирах, которые Юлия видела на Арсении. Да еще, кажется, там была и пехота.

– Мариупольцы! – признал мундиры отставной вояка. – Может, барин здесь? Щас я мигом сгоняю, узнаю!

– Я тоже, – сердце девушки забилось чаще.

Они припустили коней, сблизилась с колонной, от которой навстречу помчался офицер.

Старый знакомец. Тот самый Петров, который уже устраивал девушку на ночлег.

– Юлия Михайловна! Вы? Какими судьбами? Суженого своего ищите?

Девушка вздрогнула и лишь мгновение спустя сообразила, что под суженым подразумевается Арсений.

Она дипломатично промолчала, едва заметно пожав плечами. Неприлично девушке выставлять напоказ свои чувства.

Только в честь чего ее называли суженой немолодого гусара? Очень надо!

– Вот, из-под Вереи идем, – Петрова распирало от важнейшей для него новости, и прочее временно отходило на второй план. – Представляете, выбили мы из города француза. Точнее, вестфальцев, да то мелочи. Они там укреплений настроили, да ерунда это всё. Дорохов взял наших четыре эскадрона, четыре елизаветградцев, егерей, да и... – Корнет прикусил язык, прерывая нечто неприличное. – А Раковский каков! Пехоты мало, так он спешил два эскадрона и сам повел в атаку. Как не зацепило, в упор стреляли! Кого мы порубили, прочие – сдались. Вон их сколько! Потом еще отбить город хотели, большое подкрепление прислали, да мы и их к ретираде вынудили. Полная виктория!

– А он... не ранен? – Голос предательски дрогнул.

– Цел Арсений Петрович, цел, – сразу понял о ком речь Петров. – Вообще, потерь у нас мало. Вот при Бородине Раковский был ранен в руку, но остался в строю, а теперь все пули мимо пролетели. Хотя на рожон лез, только смелого пуля боится.

– Где он? Я хочу его видеть! – само вырвалось у девушки.

– Туда нельзя, Юлия Михайловна! Отряд наш отошел во исполнение приказа. Места небезопасные, могут шляться отдельные шайки французов, а я вас сопровождать не могу, пока не сдал пленных.

Он просто не знал собеседницы. Слова об опасности Юля просто пропустила мимо ушей. Не привыкла она бояться, и французы представлялись ей неким подобием хулиганов. Убедить девушку в обратном было невозможно. Минут через десять корнет сдался и всё, на чем сумел настоять, – это дать в сопровождающие пару гусар.

Взятием Вереи командовал генерал-лейтенант Дорохов, бывший начальник Раковского во второй наполеоновской войне. Изюмский гусарский полк, шефом которого был генерал, благодаря прихотливой военной судьбе оказался в партизанском отряде Винценгероде, кстати, самом первом отряде, посланном на коммуникации еще Барклаем-де-Толли из Смоленска. В нынешнем же отряде были эскадроны двух других гусарских полков – Мариупольского и Елизаветградского, казаки и немногочисленная, поредевшая в Бородинском сражении, пехота. Удерживать освобожденный город не было смысла. Французы были уничтожены или пленены, их укрепления взорваны и скрыты, трофейное оружие роздано жителям. Отряд же отошел на некоторое расстояние в готовности действовать против вражеских партий. Мало ли мародеров шляется по округе? Да и крупные отряды могли появиться.

– А ведь это начало перелома в войне, господа! – воскликнул Раковский. – Пройдет неделька, другая – и погоним мы их в хвост и в гриву.

– Ура! – коротко рявкнули офицеры.

По такому поводу не грех выпить, только война продолжается, и даже короткий осенний день может оказаться длинным и чреватым на события.

– Генерал, – кто-то первым заметил идущего сюда Дорохова.

– Как настрой? – осведомился тот.

Мог бы не спрашивать. Победа окрыляет.

– Господа офицеры, тут к нам явился поселянин. Говорит, недалеко, в тылу видели небольшую шайку французов. Скорее всего, обычные мародеры. Надо проверить, – он не хотел никому приказывать, люди заслужили короткий отдых после долгого марша и последующего боя, только и небольшая шайка могла причинить кому-то вред.

– Я пойду, – просто сказал Раковский. – Полуэскадрона хватит. Кликну охотников. Через четверть часа выступим.

– Действуй, Арсений Петрович, – кивнул Дорохов.

Подпруги на лошадях были лишь ослаблены, и времени на сборы не требовалось. Охотников вызвалось больше, чем требовалось, и майор выбрал из них полсотни человек. Против шайки хватит, зачем зря лошадей гонять?

Крестьянин на своей завалящей лошаденке пристроился в голову отряда, и пошли.

Некоторое время двигались проселком, затем за проводником свернули на лесную тропу. Чужой бы здесь обязательно заплутал. Леса всё тянулись, порою сменялись полями, и опять отряд вступал под пологи деревьев.

Лишь бы не ушли, думал Раковский. Или не напали на какую деревню. Мало ли что может случиться? Девочк снасилуют, кого-то из мужиков убьют.

– Ниче, барин, – словно угадал его мысли заросший едва не до глаз проводник. – Там лешие обещались попетлять их. Будут ходить по кругу, никуда отсель не денутся. Уже недалеко.

И тут в стороне от тропинки послышались выстрелы. Один, второй, третий...

– Гусары! Вперед! – Раковский первым повернул на звук короткой сшибки.

Вслед за ним, разворачиваясь широкой лавой, ринулись остальные. Скачка галопом прямо через лес длилась недолго. Полуэскадрон выскочил на опушку. По ту сторону раскинувшегося поля лежала дорога, и на ней вертелись десятка три всадников в чужих мундирах.

Не только в чужих. Раковский издалека отметил цвет родного полка и, кажется, кого-то в штатском костюме.

– Марш-марш!

Сабля сама выскользнула из ножен. На душе стало весело. Впереди был враг, польстившийся на легкую добычу, еще не ожидающий удара, и не было места тому врагу на родной земле.

Силы были примерно равными. Майор вырвался вперед корпусов на десять, за ним неслись десятка два гусар, а прочие еще проламывались сквозь буераки.

Противник, причудливая смесь польских улан, французских конноегерей и драгун, торопливо развернулся и бросился навстречу. Опасались подставлять спины в скачке через поле, а тем более – удирать через лес. Зато отваги им было не занимать. А то и обычной злости голодных, отчаявшихся выбраться из России людей.

Раковский с налета сшиб одного, обменялся ударами со вторым и схватился с третьим. Несколько секунд противники обменивались ударами, затем майор изловчился, парировал чужой выпад и тут же достал неприятеля кончиком сабли. Краем глаза заметил движение слева и успел развернуться навстречу драгунскому офицеру. Тот выпалил из пистолета, и что-то прошло вплотную к плечу. Скрестились клинки. Кавалеристы сошлись так плотно, что Раковский просто двинул француза эфесом в лицо. Пусть будет пленный, надо же узнать, все мародеры здесь или кто-то отделился от основной группы.

Бой оказался неудачным для французов. Почти половина уже валялась на земле, кто-то тянул руки кверху, несколько наиболее шустрых неслись прочь, по пятам преследуемые гусарами. Небольшая, да всё же победа. Только на кого напали мародеры?

Искать не пришлось. В стороне, вплотную к старому дубу, притулились двое пеших и одинокий всадник. Тут же валялись пара конских туш и несколько человеческих тел. Всадник был свой, из второго эскадрона, а вот пешие...

Раковский соскочил с коня. Сердце билось как сумасшедшее и отнюдь не от недавней схватки.

– Вы? Юлия Михайловна?

Да, это была она. Волосы растрепались, головной убор потерян, однако рука судорожно сжимает пистолет с невзведенным курком. Арсений отметил это машинально, как и застывшего с саблей, держащегося за раненое плечо Архипа, а дальше смотрел лишь в бездонные карие глаза. Девушка раскраснелась от пережитого, часто дышала и тоже не отводила взгляда от невольного спасителя. Раковский не сразу вспомнил, что продолжает сжимать саблю с окровавленным клинком. Хорош, наверное, вид. Зачем-то коснулся рукой воротника ментика, тот оказался порванным. Французский офицер, скотина! Надо же так попасть!

– Арсений...

Падать в обморок по примеру многих светских дам девушка не стала, хотя держалась на ногах с трудом. Опоздай полужэскадрон, и судьба девушки могла быть более плачевной, чем у ее спутников. Тех бы просто убили, а ее...

– Они коня подстрелили, – выдохнула Юля. – И гусара одного. Но как...

– Юлия Михайловна, здесь путешествовать опасно, – наконец-то смог заговорить Арсений.

Покосился на Архипа, да не ругать же старика! Он самоотверженно защищал гостью даже раненым. Вся одежда в крови.

– Моя вина, Арсений Петрович. Не настоял, – вздохнул ветеран. – А барышня – поискать надо. Одного улана из пистолета свалила наповал.

Лишь теперь девушка осознала, что убила человека, и прежде румяные щеки побелели.

Ох, не женское это дело, война!

Рана Сани зажила быстро, напоминая о себе лишь шрамом. Да и не было ничего серьезного. Так, содрало кожу да вырвало немного мяса. Гораздо труднее оказалось избавиться от простуды. Хворь окончательно так и не ушла, остался рвущий нутро кашель. И никаких лекарств, чтобы поправиться.

Зато раненый офицер озаботился судьбой спасителя, оставил при поместье и своей особе. Штабс-капитан до сих пор едва ходил, к строю был еще непригоден, однако, вот чудак, рвался обратно на войну. Словно мало ему досталось!

Саня при нем выполнял обязанности денщика, однако сумел произвести впечатление на престарелых родителей своим английским и уже начинал преподавать язык малолетним племянникам и племянницам. Конечно, профессия учителя не слишком уважаема, но вдруг удастся выбиться в управляющие или в камердинеры? А там, чем черт не шутит, соблазнить какую-нибудь помещичью дочку и жениться?

Что за времена, в которых нормальному человеку двадцать первого века, с высшим образованием, между прочим, даже достойное положение занять нельзя? Не нужны его таланты, и точка!

По вечерам, если не мучил кашель, Саня с тоской вспоминал будущее, сколько он зарабатывал, как всё это тратил, какой там был комфорт... Ну да, от многочисленных кредитов он освободится, но это был единственный плюс переноса.

Неужели обратной дороги нет, и он всю оставшуюся жизнь проведет посреди окружающей дикости? За что?!

Французская армия отступала. Она тайно вышла из Москвы, чтобы затем устремиться на родину через нетронутые войной края. Однако движение было немедленно замечено партизанами Сеславина. Предприимчивый командир захватил в плен унтер-офицера Старой гвардии, который сообщил некоторые подробности. Меры были приняты незамедлительно. К Малоярославцу, лежащему на пути «Великой армии», был выдвинут корпус Дохтурова, подкрепленный отрядом Дорохова. Следом за ними двинулась и вся русская армия. Город много раз переходил из рук в руки, и, в конце концов, Наполеон понял: ему не прорваться. Пришлось сворачивать на разоренную Смоленскую дорогу, а уже неотвратимо подступала зима.

Под Малоярославцем был тяжело ранен Дорохов. Оправиться от раны изюмский гусар так и не смог...

– Я не собираюсь сидеть дома! – Юлия сказала это так, будто считала поместье своим. – Тоже мне предрассудки: мужчина, женщина! Я такой же человек, как и ты! И хочу делать что-либо полезное, а не заниматься всю жизнь домашним хозяйством!

– Юля... Война – дело мужское. Если мы защитит страну не сможем, какие же мы мужчины? А уж за женскими спинами прятаться...

Арсений только что был произведен в подполковники.

– Не прятаться! Но я желаю стоять рядом. И имею на то право, – решительно произнесла девушка. – Скакать умею, стрелять тоже.

– Этого мало. Да и могут ранить, убить. Нет, – последнее слово прозвучало жестко. – В бой я тебя не пущу.

Стало ясно: не уступит. Здешние мужчины подвинуты на своих обязанностях и воевать считают за честь. Некая кавалерист-девица вынуждена была скрывать свой пол. А тут – не скроешь. Но что-то есть в представителях сильной половины привлекательное. То, что утратили их потомки.

– Тогда я буду сестрой милосердия, – нашла выход девушка.

– Кем? – не понял Раковский.

– Ухаживать за ранеными. У нас этим занимаются женщины.

– У вас... Ах да, – чем дальше, тем больше Арсений начинал верить, будто Юлия и вправду перенеслась из будущего. Мало ли какие чудеса Божьей милостью могут случиться на свете! Неисповедимы пути Его... Не похожа она на всех виденных им – весьма многочисленных – дам. – Всё равно. Что скажут: девушка одна, среди посторонних мужчин.

– Мне безразлично.

– Мне – нет. Раз уж я принял малое участие в твоей судьбе...

– И теперь решил больше не принимать... – без вопросительной интонации продолжила девушка.

– Напротив, Юлия Михайловна. Я понимаю, это не совсем благородно с моей стороны, но...

Ух, в атаки ходить куда легче. Здесь же правильнее – с обрыва в ледяную воду. И словно перед прыжком, Арсений набрал воздуха:

– Я прошу руки и сердца. Свадьбу можем сыграть сейчас, после войны... Что поделать, если без тебя не могу жить?..

Слов было еще много, они обрушивались на девушку водопадом, кружили голову, и вдруг захотелось, чтобы им не было конца.

– Я не прошу немедленного ответа, только... – Раковский резко умолк.

Он пытался прочитать решение судьбы в девичьих глазах, только Юлия упорно отводила взгляд.

Некстати вспомнился разговор с дядей. Не родилась еще моя невеста...

Молчание затягивалось, стало нестерпимым. Что-то упало на щеку, и Раковский машинально отметил: первая снежинка.

– Да...

Владислав Русанов. Махолетного полка поручик

Бивачный дым плыл по-над землей, смешиваясь с утренним туманом. Воздух горчил и стылыми пальцами забирался за пазуху.

Поручик Льгов потянулся и сбросил рубашку на растяжку палатки.

– Архип!

– Тута я, вашбродь!

– Давай!

Денщик с размаха плеснул из ведра ледяной днепровской водицей.

– Вот чертяка! – крикнул поручик. – Опять штаны залил!

– Виноват, вашбродь! Сейчас сухие принесу.

– А ну тебя! Некогда! Полотенце лучше неси!

Алексей Алексеевич стряхнул воду с усов и принялся растираться жестким, как дерюга, полотенцем. Накинул свежую рубашку, застегнулся, заправил в белые лосины. Принял из рук Архипа черный с серебряным позументом и синими отворотами мундир, накинул на плечи. Наслаждаясь утренней свежестью, зашагал на летовище, где застыли, словно пришедшие из сказок Змеи Горынычи, громоздкие и вместе с тем ажурные махолеты.

Несмотря на скудость утреннего солнца, команды, вкупе с мастеровыми, уже трудились не покладая рук. Махолет, он капризный, как конь арабских кровей. Чуть недоглядел – и живота лишился. Солдаты мазали оси жиром, подтягивали крепления, прощупывали каждый вершок крыльев, сделанных из натянутой на тонкий дубовый каркас тончайшей, пропитанной маслом, кожи.

Завидев командира, служивые вытягивались «во фронт».

– Вольно, вольно, братцы, – на ходу бросал Льгов.

Вмешиваться в ежедневное обслуживание он не собирался. Капралы и унтера проследят, неожиданностей быть не может. Не было еще случая, чтобы его «крыло», хоть на учениях, хоть в бою, не оправдало чаяния поручика.

– Здравия желаем, ваше благородие! – рявкнул рыжий, как лисовин, унтер Портков, бросая ветошь на траву.

Расчет командирского махолета построился рядом с ним, пожирая глазами поручика. Рядовые Акимов, Ильин и капрал Славкин.

– Здорово, молодцы! Вольно. По распорядку.

– Есть, вашбродь!

Солдаты рассыпались, окружая чудо мысли санкт-петербургских механиков. Славкин откинул с приводного шкива ремень, а Ильин с Акимовым, взгромоздившись в седла, напоминавшие казачьи, принялись крутить педали.

– Левая заедает!

Портков, не доверяя столь важное дело подчиненным, самолично мазнул по оси куском прогорклого сала.

– Еще пробуй!

Солдаты пыхтели, педали мелькали, оси нежно подвывали, выпуская капельки разогретого жира по краям втулки.

– Вроде ничего так пошла!

– Еще, еще!

Когда из втулки показалась тонкая струйка дыма, унтер сжалился. Дал оси остыть и еще раз густо намазал салом.

Поручик улыбнулся, мельком оглядел оружейный запас – утяжеленные стрелы против вражеской конницы и пехоты, револьверные ружья для воздушного боя и даже один реак-

тивный снаряд, закрепленный под днищем, на киле летного устройства. Тут тоже беспокоиться не о чем. Пусть французы только сунут нос в Смоленск. Умоются кровушкой...

– Ну что, бг'атцы! – послышался позади бодрый голос. – Побьем непг'иятеля?

– Побьем, отчего же не побить, вашбродь! – нестройно, но довольными голосами отвечали солдаты.

Алексей Алексеевич, не оборачиваясь, догадался, что на летовище появился Жорж Заблоцкий, бывший гусарский ротмистр, разжалованный за беспробудное пьянство и разврат в фендрики, но благодаря протекции троюродного дядюшки, интенданта при штабе генерала Витгенштейна, отправленный не в занюханный пехотный батальон, а в махолетный полк самого Феофтистова, героя Гейльсберга и Фридланда и георгиевского кавалера.

– Ну, здг'астуй, Алёшка! – Несмотря на легкую мутноватость взгляда, впрочем, по утрам для него характерную, Жорж выглядел сущим бодрячком. – Вг'ежем бг'атьям-мусью? – И вдруг пропел слегка надтреснутым голосом: – Всё выше и выше и выше, стг'емим мы полет наших птиц!

– Врежем, отчего же не врезать, – в тон нижним чинам отозвался поручик. – Ты сегодня как? Наверху не поплохее?

Прапорщик Заблоцкий отличался отчаянной, просто невероятной храбростью, да, кроме того, за два с половиной месяца в совершенстве постиг устройство махолетов – настолько, что выдал несколько замечательных идей по усовершенствованию, аж строгий инспектор из Санкт-Петербурга головой качал, – но очень плохо переносил высоту. Когда чудо-машина взмывала к небу и звонница колокольни становилась на вид не больше кивера, он зеленел, бледнел, покрывался испариной, хотя и терпел, не показывая вида. Когда Льгов однажды сказал приятелю, что, на его взгляд, тому следовало проситься в пехоту или в кавалерию, Жорж нахмурился и ответил: «Из гусар за блядство выгнали, из летчиков сам побегу... Мне тогда одна похог'онная команда остается для службы...» И никуда не ушел.

– Я как огуг'ец! – Прапорщик гордо расправил плечи. – Меня ж мутит не от стг'аха, а от злости.

– Ну, коль так, в бой парой пойдем. Я – «ведущий», а ты – «ведомый».

– Как пг'икажешь, господин пог'учик! – дурашливо вскинул три пальца к козырьку картуза Заблоцкий. И снова добавил строчку незнакомого поэта: – Сегодня мой дг'уг пг'икг'ывает мне спину, а значит, и шансы г'авны.

Алексей покачал головой. Но он уже привык к чудачествам Жоржа. Тем паче, не о поэзии сейчас следовало беспокоиться. Русская пехотная дивизия пятилась от Красного к Смоленску, огрызаясь от конницы Мюрата. С вечера к ним отправился Раевский с подкреплением, но чем закончилось дело, махолетчики не знали. Ждали распоряжений от полковника и готовили машины.

Увидев на высоком берегу Днепра белокаменные стены Смоленска, Мишель Ней утратил обычную осмотрительность. Словно пес, вставший на «горячий» след добычи, сын бондаря погнался вверенный ему корпус «Великой армии» тремя колоннами вперед. За перелесками, вдалеке, мелькали жемчужно-серые ментики гусар и зеленые куртки конных разведчиков резервного корпуса Мюрата, которые хранили дурацкую верность дедовским способам ведения войны. Кавалеристы долго и безуспешно преследовали отступающую пехоту генерала Неверовского и, вне всякого сомнения, заслужили отдых, но рвались в бой.

С того берега реки раскатилась частая россыпь ружейных выстрелов – будто пригоршню щебня швырнули в жестяное ведро. Заросли лозняка окутались дымом. Русские огрызались. Водную преграду, по разумению маршала, следовало немедленно форсировать, силы противника окружить и уничтожить, не допуская их соединения с остальной армией Барклая-де-Толли, а город захватить. Бородатые варвары не сумеют противостоять военной

мощи всей Европы, объединенной французской доблестью и французской же мудростью. А если удастся взять Смоленск до подхода Даву и Бонапарта...

Ней засыпал адъютантов злыми, короткими, похожими на удары шпагой, приказами.

Драгуны, значительно обогнав неторопливую пехоту, покидали самобеглые коляски, завязывая оживленную перестрелку с егерями Войейкова. В голову штурмовых колонн выдвинулись паровые повозки с понтонами.

Русские ответили шрапнелью. Над головами атакующих поплыли белые облачка.

Больше всего досталось вюртембергцам, которые расстроили ряды и потянулись под защиту дубравы.

– Подавить! – яростно бросил Ней.

Юный адъютант кивнул и, вскочив в седло, помчался к ракетной батарее.

Полковник Кламбо свое дело знал, сноровистой работой вызвав улыбку маршала. В считанные минуты с реек начали срываться длинные, похожие на огромные свечи снаряды, с ревом уносясь на противоположный берег. Дымные шлейфы прочертили небо. К сожалению, маршал это прекрасно знал, ракеты пока еще не обладали должной точностью попадания, зато могли накрывать значительные площади, не только нанося урон живой силе противника, но и повергая его в ужас. Ученые-изобретатели обещали императору уже к концу этого года создать реактивные снаряды, способные пробивать крепостные стены, а также оружие с разделяющейся боеголовкой, в сотни раз эффективнее шрапнели.

Русские орудия смолкали одно за другим. Пехота «Великой армии» подступила к Днепру.

В это время маршалу доставили срочное донесение. Конница Багратиона глубоким фланговым обходом зашла в тыл наступающему корпусу и атаковала на марше колонну «Grande tortue». Огромные, не уступающие по размерам какому-нибудь корвету береговой охраны, изрыгающие клубы пара, машины решили когда-то судьбу сражения под Аустерлицем, а ведь там император ввел в бой всего четыре из них. Сейчас под командование Нея передали шесть сухопутных дредноутов.

– Быстро учатся эти русские! – рыкнул маршал и приказал ускориться воздухоплателям.

Капитан Эжен Леклерк через подзорную трубу наблюдал суету на дороге. С высоты громадины «Grande tortue» напоминали перевернутые килем вверх лодки, на которые прибоем набегали литовские уланы – синие вальтрапы с красным кантом. Бородатые казаки Иловайского теснили в сторону обоза огрызающиеся частым огнем пехотные батальоны охранения и два эскадрона бело-зеленых конных разведчиков. Не успев развернуться в боевой порядок, бронированные исполины оказались беззащитными перед приблизившейся вплотную конницей – от орудий главного калибра в такой схватке толку никакого, а стрельба вспомогательных не наносила противнику ощутимого урона.

Отчаянные уланы носились на рыжих и светло-гнедых конях, целясь по бойницам ползучих крепостей из пистолетов и укороченных кавалерийских ружей, забрасывали ручными гранатами. Одному из них, похоже, улыбнулась удача. Вторая от головы колонны «Grande tortue» окуталась паром, в её чреве что-то гулко ухнуло. Броненосец остановился, преградив дорогу остальным. Из открытых люков сыпанули ошпаренные кочегары и орудийные расчеты. Прямо под пики и сабли русских.

– Добавить лиселя! – скомандовал капитан, в отчаянии позабыв, что уже больше часа монгольфьер идет под полными парусами.

Благодарение богу, более легкие шарльеры, оснащенные пропеллерами с велосипедным приводом, значительно опередили своих неповоротливых собратьев и уже зависали над дорогой.

На головы русских посыпались оперенные стрелы.

Закричали люди. Заржали раненые кони.

Казаки кинулись врассыпную, уходя из-под обстрела, а потом, разворачивая злых горбоносых рыжих, буланных, соловых коней, стреляли из ружей и пистолей. Ветер сносил белые одуванчики дымков, но пули не достигали воздухоплавательных судов.

Леклерк улыбнулся.

– Приготовить бомбы!

Одетые в синие мундиры летуны начали передавать друг другу сорокафунтовые цилиндрические чушки с двухслойной оболочкой и начинкой из пороха и чугунных шариков. Не так давно их испытали в Пиренеях, полностью подавив сопротивление испанской герильи – на разбойников новое оружие произвело столь глубокое впечатление, что они выходили из лесов и ущелий сотнями, склоняясь перед Великой Империей. Теперь пришла пора и русским варварам ощутить на себе их разрушительное воздействие.

Издаലെка, от Смоленска, по полю мчались четыре пароконные повозки, на которых поблескивали стволы рибодекенов – здесь, в России, их называли «сороками».

Командир монгольфьера дал распоряжение передать флажками на землю – любой ценой не допустить приближение скорострельных и многоствольных орудий.

Конные разведчики, собравшись в кулак, пошли на прорыв, но увязли в казачьей лаве.

Первая «сорока», лихо развернувшись, дала залп. К счастью, мимо.

Зато второй повезло. Вырвавшийся вперед шарльер вспыхнул и, разламываясь в воздухе на кусочки, рухнул на землю. Остальные завияли, стреляя по повозкам из всех видов огнестрельного оружия, имевшегося в наличии.

Русские канониры перезаряжали быстро.

Новый залп. За ним еще один и еще.

Огнем окутался шар второго шарльера.

Но звено, возглавляемое Леклерком, уже нависло над полем боя.

Полетели вниз стальные граненые стрелы.

Корпорал поджег фитили на первых бомбах и толкнул их по желобам.

Гулко рванул порох, расшвыривая по сторонам шрапнель. Благодаря мастерству Жака бомбы взрывались в двадцати-тридцати футах над землей.

В кровавую мясорубку попали и свои, и чужие. Литовские уланы, казаки, конные разведчики, французская пехота охранения, выбравшиеся из горящей «Grande tortue» механики и канониры. Только сухопутным дредноутам шрапнель не причиняла вреда. Ну, так на то их и строили – держать выстрел в упор не только из ружья-пистолета, но и из полевого орудия.

В это время шарльеры, умело лавируя в синем небе, поравнялись с русскими повозками. Полетели вниз ручные бомбы. Конечно, такого корпорала, как у Леклерка, ни у одного из командиров не было, но посеченные осколками кони закусил удила, понесли, не разбирая дороги. Одну повозку опрокинули, сломав дышло.

– *Vive la France! Vive l'Empereur!* – закричал Эжен Леклерк, взмахнув тесаком.

– *Vive l'Empereur!!!* – подхватила команда.

И тут сквозь всеобщее ликование прорезался одинокий голос впередсмотрящего:

– *Russie volant! Attaque russe de l'est!*

Леклерк приложил к глазу зрительную трубу. Зашипел от злости – утреннее солнце, немилосердно усиленное двадцатикратной линзой, казалось, выжигало мозг. Но черные точки махолетов, поднявшихся из-за дальнего леса, а теперь набиравших высоту, он различить сумел.

Проклятые русские варвары! Что за тупое пристрастие к летательным аппаратам тяжелее воздуха!!!

Хотя следовало отдать им должное – в отличие от монгольфера машины русских не зависели от направления и силы ветра, а шарльеры превосходили подвижностью и маневренностью. Если добьются преимущества в высоте, воздухоплавателям «Великой армии» придется туго.

Эжен вздохнул, опасливо огляделся по сторонам и вытащил из внутреннего кармана мундира продолговатую черную коробочку. Понажимал кнопки, выдвинул блестящий шуп антенны.

– Анри, как слышишь меня, прием!

Послышался треск, потом сквозь помехи пробился искаженный до неузнаваемости голос:

– Слышу хорошо, прием!

– Разрешаю приступить к выполнению плана «Икс». Ответственность перед Центром беру на себя.

– Понял тебя. Приступаю.

Губы Леклерка исказила хищная усмешка, когда он убирал рацию в карман.

Смоленск слишком важен для планов Наполеона. Пусть сам император и не догадывается, что им управляют, словно куклой-марионеткой.

Свежий ветер, на высоте всегда сильнее, чем у земли, бил в лицо поручика Льгова, остужая разгоряченные щеки.

Акимов, Ильин и Славкин налегали на педали. Рыжий унтер Портков помогал им, не забывая управлять рулем, похожим на плавник здоровенной рыбищи. Сам поручик зорко поглядывал по сторонам, выводя «крыло» в атаку на вражеские шарльеры.

Солнце светило в спину. Французы, как на ладошке, с их ярко разукрашенными шарами и позолоченными гондолами. Захочешь – не промажешь. А их, напротив, видно плохо и прицеливаться нелегко. Все-таки не зря полковник Феоктистов – Куприян Романович, слуга царю, отец солдатам – считался лучшим из командиров-летунов во всей империи. Всё продумал, всё рассчитал и вывел махолеты в самый решительный миг.

Сейчас русские летуны набирали высоту, чтобы обрушиться на врагов сверху, камнем, как сокол на утку. Оси скрипели, спины солдат взмокли, крылья с шорохом отталкивались от воздуха, толкая машины всё выше и выше.

Алексей оглянулся на «ведомого». Жорж слегка побледнел, слегка позеленел, закусил губу, но держался молодцом, как орел, глядя на неприятеля из-под козырька. Ремешок от картуза он зацепил за подбородок.

С шарльеров их все-таки заметили. Открыли частую стрельбу.

Пули улетали в белый свет, как в копеечку.

Льгов резко качнул туловищем вправо-влево. Послушный малейшему движению махолет отозвался таким же покачиванием. Знак для звена – делай, как я.

Из высшей точки машины сорвались в атаку.

Солдаты разом бросили крутить педали, Портков, успев поставить кривошипно-шатунный механизм на фиксатор, до отказа выжал рукоять хвоста, переводя его в горизонтальную плоскость.

Вот тут уж ветер засвистел в ушах, так засвистел.

Поручик выхватил из правой кобуры ружье, прижав приклад к плечу, выстрелил шесть раз подряд, целясь не во французов, мечущихся в корзине шарльера и сбрасывающих мешки с песком, чтобы выровняться по высоте с русскими, а по яркому шелку, наполненному водородным газом. Не глядя сунул ружье за спину – Ильину, перезарядить. Выхватил второе из левой кобуры, удовлетворенно замечая, что на поверхности шара разбегаются зияющие дыры, наверняка окаймленные язычками пламени, незаметными на ярком солнце.

Та же участь постигла второй шарльер с длинным голубым вымпелом, вышитым замысловатой вязью.

«Division Normandie».

Вот, значит, с кем довелось столкнуться. Сильный соперник. Не зря Бонапарт перекинул их из Северной Франции, где матерые воздухоплаватели бригадира Ватье держали в ужасе пока еще непокорившийся Альбион.

«Бойтся, значит, уважает», – подумал Алексей.

А за спиной забили тугими хлопками крылья, выравнивая махолет, переводя его из пике в ровный полет. От натуги кряхтели солдаты. Славкин по недавней привычке на каждый выдох поминал матушку Наполеона.

Махолеты, как стая воронов, кружили рядом с неповоротливыми шарльерами, нападая по три-четыре «двойки» на одного. Это было даже не сражение, а бойня.

Сквозь ветер прорвался хриплый и отчаянный крик Жоржа Заблоцкого:

– ...мотог' мой г'евет... моя обитель... считает, что он истг'ебитель...

Прапорщик хладнокровно отстреливал французов, которые пытались спастись из горящих гондол с помощью приспособления Ленормана – Александровского.

Издалека донеслась россыпь выстрелов. Не шесть подряд, как из револьверного ружья, и даже не по восемнадцать, как из новомодных скорострельных «сорок» на конной тяге. Скорее всего, воздухоплаватели Ватье ввели в бой какое-то новое, ранее неиспользованное оружие.

Сложив крылья, рухнул один махолет. За ним второй.

Льгов указал рукой направо. Рядовые и унтер его поняли без слов, завалив машину на крутой вираж.

А вот и он!

Французский офицер в дурацкой шапочке с помпоном уперся локтями в релинг гондолы и стрелял из смешного ружьишка – тонкого, короткоствольного, с плоской прямоугольной коробочкой чуть впереди спускового крючка. Пули вылетали одна за другой, так, что у дульного среза мерцал огонек, но дыма видно не было.

После каждой очереди валился махолет, ломались крылья, падали безжизненные солдаты в серых мундирах с лазоревыми вставками.

– Ровнее!!! – заорал поручик, упираясь поясницей в спинку кресла, а ногами в ящики с боезапасом.

Прижал приклад к плечу, выдохнул.

Портков хрипел, удерживая хвост махолета горизонтально.

Мушка, прицельная рамка и синий мундир французского офицера сошлись воедино. Палец плавно нажал на крючок.

На спине нормандца возникла дырка, набухшая кровью по краям. Странное ружьецо выпало из безвольных пальцев. Мгновение помедлив, офицер полетел следом за ним.

– Вашбродь! – перекрикивая свист ветра, подал голос Ильин. – Сигналют, кажись!

И точно, с флагманского махолета полковника Феоктистова передавали приказ – немедленно атаковать монгольфьеры. Одного взгляда вниз хватило поручику, чтобы оценить обстановку. Сухопутные дредноуты французов, теперь уже не сдерживаемые казаками и уланами, продолжали движение к Смоленску. Все, кроме одного, дымящегося посреди дороги. Литовцы предприняли отчаянную попытку зайти бронированным машинам во фланг, но, потеряв под шрапнельными бомбами воздухоплавателей едва ли не эскадрон, откатились к перелеску.

«Grande tortue» по земле, а монгольфьеры по небу медленно шли к белокаменному городу на берегу Днепра.

Льгов всем сердцем одобрил решение полковника Феокистова и повел свое «крыло», не потерявшее в предыдущей схватке ни единой машины, парами на нового врага.

Вновь кряхтели солдаты, вновь вздрагивал махолет, скрипела рама, шелестели крылья под напором воздуха.

Вот уже близко длинные «сигары» монгольфьеров, их белоснежные паруса, будто у диких, воспаривших корветов, раскинулись в стороны от продолговатых гондол, оцетинившихся легкими пушками и дулами ружей. Эта добыча потруднее, чем слабоватые в бою шарльеры. Голыми руками не возьмешь.

Если сравнивать с тем же морем, то монгольфьеры по силе и вооружению занимали в небе ранг линейных кораблей, шарльеры – фрегаты и корветы. А уж махолет – канонерская лодка, маневренная, но слабая в ближнем бою. Его сила в скорости, натиске... Как там Александр Васильевич говорил? «Вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова! Атакуй с чем пришел, с чем бог послал!»

Махолеты сближались с монгольфьерами, которые шли под зарифленными парусами, чтобы не перегнать тихоходные «Grande tortue». Поручик Льгов уже мог различить сосредоточенные хмурые лица французов, черные зрачки нацеленного на него оружия. Когда видишь огневую мощь противника, кажется, будто вся она против тебя нацелена.

– Не зевай, братцы! – оглянувшись на своих, крикнул Алексей Алексеевич. – Или грудь в крестах, или голова в кустах!

В этот миг грянул частой россыпью залп с ближайшего монгольфьера, прозывавшегося, судя по надписи на борту «Boréas», сиречь «Северный ветер». Пули засвистели вокруг, зашевелились волосы на голове. Жалобно ойкнул Славкин и, остекленев взглядом, повалился набок. Акимов едва успел поймать товарища за рукав. Удержал, не дал разбиться и перевалил через сиденье.

Но задержка сбила ход махолета. Вперед вырвалась машина Жоржа Заблоцкого. Прапорщик одной рукой доставал коробочку с углями, намереваясь поджечь фитиль реактивного снаряда, а второй показывал французам загадочный знак – все пальцы кулака сжаты, за исключением среднего.

Стоявший у борта офицер скривился, ответил тем же знаком и поднял ранее виденное Льговым ружьишко.

– Вперед! – выдохнул поручик, догадавшись, что сейчас будет.

Ряд пуль хищно перечеркнул махолет Заблоцкого. Наискося. Полетели клочья промасленной кожи, расщепился в нескольких местах каркас. Унтер Зотов, сидевший на руле, дергаясь, ухнул вниз, к желтой стерне.

Прапорщик успел поджечь фитиль. С дымом и ревом рванулся снаряд, но из-за клюнувшего носом махолета, проскользнул в добрых двух саженьях под килем гондолы.

– Вперед!!!

Ильин и Акимов, надрывая жилы, сделали невозможное.

Алексей успел выстрелить во французского капитана. Кажется, промазал.

Цветастый и ребристый бок «сигары» монгольфьера возник прямо перед глазами.

В последний миг Портков, то ли испугавшись столкновения, то ли по трезвому расчету развернул махолет боком. Правое крыло пропороло обшивку и с громким треском сломалось у самого шарнира. Левое опасно перекошилось, запутавшись в бегучем такелаже.

Со свистом водородный газ рванулся сквозь дыру, распяливая ее изнутри, словно орущий рот.

«Только бы не бахнуло», – подумал поручик, памятуя, как легко возгорается наполнитель для летучих шаров, смешавшись с воздухом. И вдруг увидел коробочку с углями, закрепленную в зажиме у его колена. На лету ветер проникал сквозь дырочки в стенках и не давал углям потухнуть. Весьма полезная придумка... Но не сейчас!

– Прыгаем! – приказал Алексей, повернувшись к команде.

Первым соскочил с сиденья Ильин. За ним – Акимов, обхвативший поперек туловища безжизненного Славкина. Следом Портков. Как и положено командиру, поручик спрыгнул последним, оттолкнувшись ногами изо всех сил, чтобы не попасть под медленно снижающийся монгольфьер. Пролетев саженей двадцать, рванул за кольцо. Широкое круглое полотнище спасательного приспособления, придуманного французом Ленорманом и усовершенствованного русским энтузиастом Александровским, с шорохом выскользнуло из заплочного мешка. Натянулось под напором воздуха, аж зазвенели, как струны, стропы, на которых повис поручик Льгов.

А монгольфьер и сцепившийся с ним махолет падали всё быстрее и быстрее.

Только бы не рвануло!

Сильный боковой ветер, сносивший Льгова за дорогу, спас его, когда сигарообразное тело французского летательного аппарата окуталось голубоватым пламенем, а потом разлетелось ошметками горящей ткани, искореженными кусками дерева и металла, орущими людьми.

Порткову повезло меньше всех – кофель-нагель угодил ему прямо в лоб. Безжизненное тело унтера снесло аж к лесу и бросило на ветки граба.

Земля привычно ударила в пятки поручика. Он быстро отстегнул широкий пояс, к которому крепились стропы, и побежал к груде обломков, ранее бывшей махолетом Заблоцкого.

Жорж лежал лицом вниз, но, несмотря на падение с высоты, жил и даже шевелился. Приподнявшись на локте, прапорщик коротко и быстро черкал карандашом на сложенном вдвое листе желтоватой бумаги.

– Ты как? – Льгов присел рядом.

– А! – отмахнулся Заблоцкий. – Все там будем.

– Я тебя вытащу...

– Брось! Не думай. – Жорж попытался шевельнуться и глухо застонал от боли, пальцами вцепляясь в корни травы. – Ах, французишки, ах, сукины дети! – Алексей удивился, услышав, что товарищ его больше не картавит. – На любую подлость пойти готовы. Нет, братья-мусью, честь по чести воевать надо. Алёшка!

– Что?

– Я всё одно здесь помру. Спина сломана. У вас никто такое лечить не может, а своих лекарей я, видать, не дождусь.

– погоди! Ты бредишь, что ли? Каких таких «своих лекарей»?

– А! Не бери в голову. Снеси эту записку в штаб генерала Багратиона. Любой ценой прорвись и постарайся, чтобы лягушатники в плен не взяли. Найдешь полковника Пильгущкого, Аристарха Степановича. Запомнил?

– Запомнил, но...

– Не перебивай! Быть или не быть России, от этой бумажки зависит. Уяснил?

– Так точно! – Такая власть зазвучала в голосе разжалованного гусарского ротмистра, что поручику захотелось встать навывтяжку.

– Передашь ему записку. На словах обскажешь всё об этом бое, о том, какое оружие у французов видел. Скажешь, как я погиб... По-дурацки, в сущности, погиб-то...

Жорж опустил щекой на землю и прикрыл глаза.

Льгов осторожно вытащил из его пальцев записку, сложил еще раз, сунул за обшлаг мундира. Хотел наклониться и послушать – дышит ли? Но Заблоцкий внезапно приоткрыл глаза.

– Поспешай, Алёшка, поспешай... Нет, погоди! Слышь, что скажу. – Поручик придвинулся ближе. – Ты даже не представляешь, что сегодня сделал, дорогой ты мой человек. Ты же первый в истории русской авиации, кто провел таран в условиях воздушного боя. За сто

тридцать лет до того, как у нас в учебниках истории прописано... Правда, и история у нашей державы теперь другая будет. И от тебя сейчас зависит, какая именно.

Услыхав отдаленный топот копыт, Льгов встрепенулся. Разъезд гусар в жемчужно-серых ментиках на гнедых конях рысил к догорающему монгольфьеру. Корпус кавалерийского резерва Мюрата.

– Ладно, беги, Алёшка, беги! – уловив его смятение, поторопил Жорж. Поднял кулак с зажатым в нем маленьким пистолетом с вороненым стволом. – Я им живым не дам. И тебя прикрою. Девять патронов им, один – мне. Беги!

Повелительный хрип Заблоцкого подбросил поручика, подобно доброму пинку. Он, виляя по стерне, побежал к лесу. В сердце закипала глухая злоба. Историю России они, значит, переписать задумали? Нет, не выйдет! Русские не сдаются – нас так просто не сломаешь!

Позади с короткими промежутками прозвучали девять выстрелов подряд.

Через несколько вдохов еще один.

Последний.

Олег Быстров. Пораженец

Генералы обступили плотным полукругом. Показалось, даже дышать стало труднее. Будто перед командующим вдруг выросла стена – враждебная, щетинистая, живущая своими тайными стремлениями, амбициями и страстями. Впрочем, почему же тайными? – как раз таки явными.

– Вот, ваше высокопревосходительство, документ, – протянул плотный лист гербовой бумаги Ермолов. – Составили заблаговременно, осталось только подписать и скрепить печатью...

– И что же в сём документе, Алексей Петрович? – спросил он, уже догадываясь, даже почти наверное зная, что написано в бумаге.

– Прощение на имя Его Императорского Величества. – Ермолов сверкнул серым недобрым глазом, седые волосы его, и так-то вечно вздыбленные, казалось, вовсе встали торчком. – О назначении генерала от инфантерии, князя Петра Ивановича Багратиона главнокомандующим Объединённой Западной армией.

– Не извольте беспокоиться, Михаил Богданович, – выдвинулся чуть вперёд Беннигсен. – Командование Первой армией останется за вами, но под началом князя.

Барклай-де-Толли потёр правую руку – ныла и болела с утра нещадно. Память о том страшном ранении с раздроблением кости близ Эйлау. Тогда, став у Гофа насмерть против всей армады Наполеона, он дал возможность именно Беннигсену занять выгодную позицию и дать сражение. А сегодня Леонид Леонтьевич в стане недругов, подталкивает подписать прошение фактически об отставке.

– Господа, мне необходимо подумать, – тихо, но твёрдо произнёс командующий Первой армией. – Надеюсь, вы не будете требовать от меня сиюминутного решения – вопрос первостепенной важности.

– Но и тянуть нельзя, ваше высокопревосходительство, – вступил Нейгардт. Этот и вовсе отирается постоянно в Главной квартире, под крылом цесаревича Константина. И выражает, стало быть, в первую очередь мнение великого князя.

И остальные – генерал-лейтенант Остерман-Толстой, генерал от инфантерии Дохтуров, генерал-квартирмейстер Толь – смотрят на него и в глазах одно: трус, предатель, немец.

Трудно немцу на Руси? Кому как – иному вольготно и сытно. И в чинах, и спокойно – особенно, если поближе к трону. А случись, что ты шотландец, которого почему-то все называют немцем? И идёт война, и происхождение твоё ставит под сомнение твой же патриотизм? Да что патриотизм – ум, знания, умение предвидеть события и строить стратегию. Наконец, личная храбрость и решительность – всё под большим сомнением. Это ли не самый тяжкий груз на душу командира?

– Понимаю, все вы ждёте решительного сражения. Но мне нужно подумать, – упрямо сжал губы Михаил Богданович. На его крутом лбу с огромными залысинами выступили капельки пота.

– Сейчас мы имеем наиболее благоприятное расположение противника, ваше высокопревосходительство, – прогудел Остерман-Толстой. Четвёртый пехотный корпус генерал-лейтенанта славился своими боевыми настроениями. И офицеры, и солдаты корпуса рвались в бой, готовы были гнать французов обратно к Неману безостановочно. Да и многие другие тоже... – Силы Наполеона растянуты от Могилёва до Витебска, от Рудни до Орши. Передущим как куропаток одних за другими!

– Армии соединились, нет больше повода откладывать ответный удар, – поддержал генерал от инфантерии Дохтуров. Его Шестой пехотный корпус тоже рвался в бой. – Ниж-

ние чины ропшут, солдаты устали отступать. Если не остановимся сейчас, будем драпать до Москвы. Этого невозможно допустить!

– Поэтому мы настаиваем, Михаил Богданович, – опять протянул бумагу Ермолов. – И я, как начальник штаба, и все мы, здесь присутствующие – настаиваем: или наступление, или подпишите прошение.

Барклай-де-Толли принял плотный лист бумаги покалеченной рукой. Прошёл к столу, припадая на повреждённую в боях ногу. Поднял усталые глаза на генералов:

– Я оставляю за собой право на решение до утра, господа. Сейчас ступайте, но к рассвету будет либо приказ по армии о наступлении, либо я подпишу сию петицию.

Генералы покинули кабинет. Командующий кликнул адъютанта Сеславина. Тот явился тотчас – лихо закрученные усы, умные глаза. Один из немногих верных людей, что не шепчут в спину «трус» и «изменник».

– Распорядитесь подать воды, Александр Никитич. Жарко, сил нет. Или, постойте, лучше чаю. Только холодного и без сахара. Спать сегодня вряд ли придётся...

Ночь словно непроницаемым пологом накрыла Смоленск, и казалось, даже раскалённый воздух просачивается через этот полог еле-еле. Душная ночь с 7 на 8 августа 1812 года.

Оператор откинулся в кресле. Удобная функциональная игрушка принимала форму тела и легко скользила вдоль длинного пульта, повинаясь мысленному посылу седока. Оператор сдвинулся влево – перед глазами одни дисплеи сменились на другие. Кривые графиков пульсировали и извивались на матовых экранах как причудливые существа, живущие своей потаённой жизнью. Скользили длинные цепочки цифр, время от времени возникали цветные диаграммы и тут же исчезали, сменяясь другими, ещё более сложными графическими построениями.

Оператор удовлетворённо присвистнул. Расположение кривых и цифры на экранах его устраивали.

Мягко мяукнул интерком, ожил динамик на пульте:

– Четвёртый, как у тебя?

– Всё идёт в штатном режиме, первый. Объект «Бар» на расчётном уровне: депрессия, неуверенность, тоска, весь комплекс предполагаемых эмоциональных и ментальных составляющих. Окружение же настроено решительно. Инициативная группа перешла к активным действиям.

– Ага, уже перешла... Как считаешь, это закономерное развитие ситуации или помогли со стороны?

– Скорее закономерное. Негатив охватывает все слои армии – от генералитета до последнего солдата-обозника. Пресс на объект не ослабевает, наоборот – растёт день ото дня.

– Не сломается? Может, притормозить, снизить уровень давления...

– Я в него верю, первый.

– Что ж, а я доверяю тебе, четвёртый. Продолжай. Как объект «Баг»?

– Там тоже всё в пределах расчётных параметров: боевой порыв и воодушевление с одной стороны, неудовлетворённость и обида на подчинённое положение – с другой. Если дать ему сейчас бразды – наломает дров...

– Отслеживайте ситуацию, четвёртый. Придерживаемся прежней тактики.

– Слушаюсь.

В нескольких тысячах километров другой оператор поправил матовую сферу на голове. На активном экране его хроношлема тоже змеились графики и скользили вереницы цифр. Информационные потоки вливались и напрямую в мозг через контактные приводы на висках и в области темени.

– Доложите обстановку, альфа, – прошелестело у оператора в голове.

– Показатели объекта «Танго» на критическом уровне, – мысленно ответил оператор. – Весь диапазон негативных эмоций – обида, сомнение, поиск опоры в окружающей сложной обстановке – всё это приближается к пиковым значениям для данного индивида. Можно добавить мощности излучения, и ситуация переломится...

– Не так скоро, альфа. Помните, мы имеем дело со свершившейся историей. Тут нужно сработать очень тонко. Как ближайшее окружение объекта?

– Как мы и планировали – недовольство, стремление изменить существующий порядок вещей. От писем и жалоб контрольная группа переходит к решительному давлению на объект.

– Отлично, этого пока достаточно. Помните о важности доверенной нам миссии. Сегодня хроноаналитики дали окончательное подтверждение: дела тех давно минувших лет имеют прямое касательство к нашему ближайшему будущему. Победитель получит всё, и не в отгремевших триста лет назад сражениях, а в сегодняшнем раскладе сил. Мы просто не имеем права на ошибку. Пока окружение «Танго» ведёт событийную линию в нужном нам русле, поэтому продолжаем отслеживать процессы и поддерживаем резонанс. Как чувствует себя «Храбрец»?

– «Храбрец» готов принять ответственность на себя. Его ментальные показатели сейчас идеально подходят для начала решающей драки. Достаточно небольшого толчка...

– Нет, альфа, подождём. Всё должно сложиться в нашу пользу, но более естественно и органично. Продолжать воздействие на прежнем уровне и наблюдение.

– Слушаюсь, омега.

Сражение, им всем нужно решительное сражение, думал генерал и министр, сидя перед тёмным зевом камина, сложенного на голландский манер. Огня не зажигали – лето выдалось удушливо жарким. Жажду испытывали все: и офицеры, и солдаты, и лошади. Одно славно – французам было не менее трудно. Сейчас бы ледяной воды, чтоб зубы ломило, но он просил принести чаю. Значит, будет пить чай.

В зале царил полумрак, лишь несколько свечей горели на столе, где были разложены штабные карты. Хоромы эти любезно предоставил командующему один из смоленских дворян во временное пользование. Конечно, во временное – ведь скоро погоним врага! Вот отсюда, из-под Смоленска и погоним! Один хороший удар, одно генеральное сражение – конечно же, победоносное! – и полетят французы обратно за Неман, как и пришли...

Михаил Богданович знал, остро чувствовал – русские военачальники сегодняшней поры слишком пылают стремлением одерживать победы, самоуверенны, мало оценивают совокупность неблагоприятных обстоятельств и опасность положения. Он был уверен – если командование сейчас перейдёт к пылкому и самонадеянному Багратиону, который по чинам и положению в армии имеет на это все шансы, такой поворот может обернуться большим несчастьем для России.

Но сам Пётр Иванович считает иначе. А вместе с ним и великий князь Константин Павлович, и вся эта свора из Главной императорской квартиры: Армфельд, герцог Вюртембургский, принц Ольденбургский... Все приближены к государю, и все чуть не вслух говорят, что Барклай трус и изменник. Да тот же Беннигсен. Именно в его полку сочиняют о командующем насмешливые, а ещё чаще того издевательские песенки, позволяют оскорбительные шутки. «Балтай-да-Только» – это ведь оттуда.

А рядом подпевалы: Потоцкий, Любомирский, Браницкий. Флигель-адъютанты, придворная мошкара, не нюхавшая порошу, но мнящая себя великими стратегами и спасителями Отечества! Хорошо хоть этих удалось спровадить в Петербург – пусть там полируют паркет в залах Зимнего. Да что адъютанты, если сам Ермолов, его начальник штаба, столько вре-

мени пытавшийся блюсти нейтралитет, смотрит теперь косо. Вон, сегодня первый грамоткой в глаза тыкал.

Демарш генералов совершенно выбивал из колеи. К нападкам и насмешкам командующий худо-бедно притерпелся, но вот так – с составленным документом в руках! Который осталось только подписать и скрепить печатью...

А Багратион! Уж как старался он, командующий и министр, деликатничать с несдержанным князем! Был вежливым, подчёркивал и доблести, и высокое положение командующего Второй армией. Не вина Барклая, что после отъезда Его Императорского Величества ему досталось принять большую армию. Не прихоть это его, но необходимость. Однако все эти письма Аракчееву, стенания, угрозы покинуть армию... Плач по судьбе России. Истерика, право слово – истерика.

А третьего дня дошло и вовсе до безобразной сцены. В полдень, при личной встрече, князь вновь принялся обвинять его в пораженческих умонастроениях, трусости, нелюбви к Родине. Так и кричал в лицо: «Ты немец, тебе всё русское нипочём!» Уж как сдерживался, да не стерпел, ответил: «А ты, дурак, и сам не знаешь, почему себя называешь коренным русским!..»

И всё это среди бела дня, при подчинённых – позор!

Всем известно, сколь храбр генерал от инфантерии князь Багратион, но столь же он и безрассуден. Нет сомнений, этот человек мог бы уже и сейчас стать с саблей наголо во главе армии и броситься на Наполеона, но что это даст? Силы французов распылены, это верно, но что мешает Бонапарту двинуть кавалерию Мюрата от Рудни и корпуса Нея от Лиозно двумя грозными крыльями в обхват Смоленска? А рядом корпус Даву и Жюно под Оршей...

Тяжело было на сердце от этих мыслей. Вытирал командующий пот с крутого лба шёлковым платком, прихлёбывал холодный чай, принесённый адъютантом Сеславиным. К утру на стол, рядом с прошением к Александру I, лег приказ по армии о наступлении.

Поспать так и не удалось.

Утром 8 августа армии получили приказ выдвигаться на Рудню. Для прикрытия с юго-запада к городу Красному была выдвинута Двадцать седьмая пехотная дивизия генерал-майора Неверовского. И дивизия, и её командир получили путёвку в бессмертие, хотя сами этого ещё не знали – кровавый и неравный бой под Красным был ещё впереди. А пока Первая и Вторая армии двигались к Рудне.

На ближних подступах к городу атаман Платов со своими казаками опрокинул и наголову разгромил сильный французский отряд. Воодушевление в войсках не имело предела, боевой дух возрос до небывалых высот. Однако Барклай был сдержан – точных данных о расположении основных сил противника он не имел.

Затем пришла весть – французы к северу от Смоленска, бьются с казаками у Поречья. Армия походными колоннами сменила марш на пореченскую дорогу, но потом и вовсе стала. Был объявлен привал.

Барклаю казалось, что он в пустыне – необъятной, несмотря на скопление подвластных ему войск; безмолвной до звона, несмотря на обилие звуков, что издаёт огромная масса людей на марше; ледяной, несмотря на палящую августовскую жару.

Казачьи разъезды приносили противоречивые данные о передвижениях французов, и не у кого спросить совета, не к кому обратиться за помощью. Те, кто с радостью поносили командующего, трепали его имя, называли немцем, трусом и предателем, сейчас будто набрали в рот воды. Пожимали плечами. Многозначительно хмурили брови. И не произносили ни одного путного слова – ни опереться на них, ни разгневаться...

Никто не мог подсказать Михаилу Богдановичу, что и конница Мюрата, и корпуса Нея уже двинулись на юг, обходят основные силы русских и направляются к Красному. К ним

вот-вот присоединятся дивизии и корпуса Жюно и Даву. Что совсем скоро корпус Нея стремительной атакой выбьет из Красного Сорок девятый егерский полк – прямо под копыта пятнадцатитысячной кавалерии Мюрата. Но егеря будут драться до последнего вздоха, героически прорываться на соединение с Пятидесятым полком, оставленным в резерве.

Никто ещё не знал, сколько крови – русской и французской – прольётся на дороге от Красного до Смоленска.

А Барклай испытывал безумную тоску! Всё существо его восставало против этого похода на Рудню, и стоило, наверное, послушать своего сердца, а не идти на поводу у генералов с их треклятой бумажкой – но дело сделано. И сейчас нужно будет опять спасти армию. То, чем он занимался всё это безумно трудное время, как только принял командование. Опять встанет неотложной нуждой – тяжкой, непосильной, иссушающей кровь в жилах – спасти армию!

Явь мешалась с бредом, желаемое – с действительным. Генерал почти не спал, не покидал походного штаба, порой ему казалось, что ещё немного – и он одолеет французов, порой – что совершает чудовищную, непоправимую ошибку. Генерал отдавал противоречивые распоряжения. Армия топталась на месте – то возобновляя движение к Рудне, то останавливаясь. Армия была похожа на пьяного матроса, заплутавшего в далёком, незнакомом, чужом порту.

14 августа стало окончательно ясно, что движение на Рудню – удар в пустоту. Французов там уже нет. А у Красного уже грохотало огнём, свинцом и сталью «львиное», как называли его сами французы, отступление Неверовского. На следующий день Багратион повернул к Смоленску, выслав на помощь героической Двадцать седьмой дивизии Седьмой корпус генерал-лейтенанта Раевского...

– Четвёртый, доложите обстановку! – Динамик не смог скрыть тревогу в голосе.

– Первый, объект «Бар» под жесточайшим прессингом. Теперь можно с уверенностью сказать – наведённые волны хронополя вокруг объекта несут деструктивную направленность. Ближнее окружение заблокировано тета- и гамма-частотами, отсюда стена отчуждения и неприятия... Да они, эти помощники, просто сторонятся объекта!

– Спокойнее, четвёртый. Продолжаем наблюдать ситуацию вокруг «Бара». Что с «Багом»?

– Повышение индивидуальной активности. «Баг» получает подпитку. Даже стимуляцию... Мне с трудом удаётся удерживать поле у верхней границы стабильного уровня.

– Продолжайте. И выдержка, четвёртый, выдержка! Это задание из тех, которые нельзя провалить. Вы нащупали чужие частоты? В крайнем случае сможете их заблокировать?

– Так точно.

– Но без приказа этого ни в коем случае не делать. Докладывать обстановку каждые десять минут.

– Слушаюсь.

Оператор переместился на своём скользящем кресле и впился глазами в дисплей. Пробежался пальцами по сенсорам, ещё раз оценил общую картину. И усмехнулся:

– Какой симпатичный профиль! Почему бы не уважить национальную традицию? Докладывать об этом начальству, кстати, совершенно не обязательно. Это ведь не объект повышенного внимания...

Принц Карл Август Христиан Мекленбург-Шверинский был человеком отчаянной храбрости и необузданных страстей. Войну он воспринимал как праздник мужской удали, однако истинный офицер славен не только искусным владением оружием и способностью

повести за собой солдат в бой. Настоящий мужчина способен ещё, к примеру, выпить перед этим в одиночку ящик шампанского.

Сложная военная обстановка не располагала к шумным развлечениям и бурным возлияниям – принц стоически держался вот уже несколько дней. Однако как раз перед выступлением высокородного командира Второй гренадёрской дивизии, входящей в состав Седьмого корпуса, словно бес попутал. Пирушка получилась знатная и затянулась глубоко за полночь.

Именно из-за позднего пробуждения принца Мекленбургского выступление Раевского затянулось, корпус не смог далеко уйти от Смоленска, подхватил оставшуюся в живых одну пятую часть дивизии Неверовского и вернулся. И бой принимал уже на окраинах города.

Отчитывать родственника Александра I никто не решился, но поражены случившимся были все. Даже бывалые вояки не могли припомнить случая, когда грубейшее нарушение воинской дисциплины пришлось бы столь кстати.

Корпус Раевского приготовился держать оборону в предместьях Смоленска. Подход армий Барклая и Багратиона ожидался лишь на следующий день, от Раевского их отделяло чуть меньше сорока километров. День клонился к закату. Отыграли багровые языки на смоленской крепостной стене, строенной ещё при Борисе Годунове. Обречённый город окутала душная ночь на 16 августа. Такая же жаркая и душная, как и все предыдущие...

А в восемь утра показались колонны гренадёров маршала Нея. Отсюда началась ещё одна славная страница русской истории – Седьмой корпус в течение дня сдерживал удары и Нея, и Мюрата, и подтянувшегося позднее Даву, покрывая себя неувядающей славой!

Прибыл Наполеон, он уже грезил генеральным сражением и победой. И лишь в пятом часу пополудни на противоположном, правом берегу Днепра появились передовые отряды армии Багратиона.

Барклай подошёл ближе к вечеру.

– Опишите картину, альфа, – прошелестело в мозгу, и оператор подкрутил ручки настройки на хроношлеме.

– «Храбрец» в зоне активных боевых действий. Его энергетический потенциал продолжает оставаться очень высоким: и ближний, и дальний круг взаимодействия буквально насыщают объект позитивом. Вера в командира, готовность по его приказу броситься в бой, отстранённое отношение к собственной безопасности и даже жизни в свете единого мотивационного порыва. Всё обострено до крайности.

– «Танго»?

– «Танго» более удалён. И более отстранён. Негативные тенденции со стороны всех кругов взаимодействия сохраняют повышенную напряжённость. Перевес «Храбреца» на ментально-энергетическом уровне максимальный.

– Отлично, альфа. Найдите точку пересечения «Танго» и «Храбреца» в хронокоординатах ночь с 17 на 18 августа 1812 года и сделайте её активной. Пора ломать ситуацию...

– Слушаюсь, омега.

Бонапарт ждал выхода русских войск. Вся Европа знала авансы французского императора – русские будут разбиты в первом и единственном генеральном сражении. Так пусть это произойдёт под стенами Смоленска! Однако 16 августа вместо большой решающей драки император получил тяжёлые арьергардные бои, ощутимые потери и не приблизился к заветной цели ни на шаг. По сути, день этот стал днём победы русского оружия.

И утром 17 августа перед «Великой армией» стоял всё тот же крепкий орешек – зарывшиеся в земляных укреплениях и укрывшиеся за крепостной стеной русские пехотинцы и мощная артиллерия. На высотах правого берега Днепра были установлены тяжёлые батареи поддержки.

Напрасно ждал Наполеон выхода русских армий в чисто поле. Вместо этого он дождался донесения об отходе армии Багратиона севернее. Не сумев переправиться через Днепр, французы предприняли яростную бомбардировку Смоленска, и хоть старая крепостная стена выдерживала удары двенадцатифунтовых ядер, скоро в предместье и в городе начались пожары.

В два часа пополудни польский корпус Понятовского захватил восточные предместья. Позднее корпус маршала Даву совместно с поляками окончательно оттеснили оборонявшихся, и теперь русские войска сражались в пределах крепостных стен. Но преимущества это французам не дало. Корпуса непобедимой армии Наполеона, поставившей на колени пол-Европы, увязли в перестрелках под крепостными стенами и на древних улицах города. Потери были чудовищны, наступление захлёбывалось.

Позже в своих мемуарах бригадный генерал граф Сегюр напишет:

«Развёртывая штурм, наши атакующие колонны оставляли длинный и широкий след из крови, раненых и мёртвых. Говорили, что один из батальонов, повёрнутый флангом к русским батареям, потерял целый ряд в своём подразделении от единственного ядра. Двадцать два человека разом...»

К вечеру, отчаявшись прорваться, Наполеон прекратил штурм и устроил обстрел Смоленска из сотни тяжёлых орудий. Теперь город представлял собой один огромный костёр, а жар от огня был такой, что прямо на деревьях запекались плоды. Ночь с 17 на 18 августа не была тёмной – огни пожарищ освещали всё вокруг на большом расстоянии.

– Вы готовы отдать город – это предательство! – Голос Багратиона срывался: казалось, он сейчас или разрыдается, или разразится совсем уж непотребной бранью. Круглые глаза его горели неистовым огнём, орлиный нос хищно нацелился прямо в лицо Барклая. – А вы знаете, что солдат приходится силком гнать с позиций! Они не желают – слышите, не желают! – выполнять приказ об отступлении!..

Большой совет проходил в чудом уцелевшем особняке. Заседали уже четвёртый час. Зарево за окном перебивало свет свечей и окрашивало лица собравшихся в мрачные и неестественные тона. Всё те же лица – Ермолов, Беннигсен, Дохтуров, Толь. Представители Главной квартиры. И ещё боевые генералы – прошедшие огонь и смерть Неверовский, Раевский. Другие...

И Багратион. Рвущийся в бой Багратион. Мечтающий обратить сегодняшние тяжелейшие бои в завтрашнее генеральное сражение. Неистовый Багратион.

– Вольно ли наблюдать с правого берега Днепра, как гибнут наши братья?! – не унимался князь. – Я со своей армией не намерен отступать – мы будем биться!..

Что отвечать им? Какие ещё слова найти? Кажется, уже сказано всё: и о невыгодной позиции, и о превосходстве сил противника, и о необходимости сохранить армию. Потому что война не закончится под Смоленском. Потому что Наполеон, получив сожжённый город, сам не будет рад такой победе, и этого сейчас и надо российским войскам – втянуть неприятеля ещё глубже на свои территории и уже там затянуть наглухо смертельную петлю! Но для этого нужно сохранить войска с живыми воинами...

Его не слышали. Предложение следовало за предложением, план за планом, стратегия за стратегией. Наступательные, активные, дерзкие. Безрассудные. Все говорили много и горячо, а взвешенно – редко, и голос командующего тонул в этих дерзких, смелых и таких убийственных предложениях.

Незадолго до совета Михаилу Богдановичу удалось прилечь. Всего на пятнадцать минут – не было сил, крайнее напряжение буквально валило с ног, и он прилёг. Хотя бы прикрыть глаза, ослабить тугой воротничок, попытаться стряхнуть всё, а потом собраться с мыслями и решить для себя все главные вопросы.

Но вместо холодных размышлений, вместо вязкой дремоты и душевных сомнений вдруг встал перед внутренним взором образ супруги Елены Ивановны – необычайно чистый и какой-то невесомый. Она улыбалась милой своей улыбкою, смотрела ласково, как бывало и в жизни, и даже, кажется, погладила по плечу своей мягкой рукой. Губы её шевельнулись: «Вы сможете...» Михаил Богданович встрепенулся. Подался навстречу видению, и снова – «Вы сможете...».

Он откинулся на диване. Зажмурился крепко, постарался отстраниться от всего, но где-то высоко, на границе слуха прошелестело родным голосом: «Вам трудно, но вы сможете».

За много-много лет от Смоленска восьмьсот двенадцатого года устало улыбнулся оператор: «Извини, предок, всё, чем мог...»

Тихо вошёл Сеславин, доложил – все собрались, ждут вас.

С тем и вышел на большой совет.

И сейчас, на исходе четвёртого часа прений, мнений, ругани, ожесточённого спора – так что же, все жертвы были лишними?! – и далее таким же образом, не стесняясь в выражениях, не выбирая слов, – образ жены неожиданным образом придал сил и твёрдости. Генерал от инфантерии и военный министр России Михаил Богданович Барклай-де-Толли, потомок древнего шотландского рода и человек с русской душой и болью в сердце за Отечество встал:

– Властью, дарованной мне государём императором, и будучи командующим Западной армией, приказываю: отходим к Москве.

Никто не посмел возразить в ответ.

Первая армия начала отход той же ночью – кружным путём, через дорогу на Поречье, и лишь потом вышла на Московскую дорогу. Вторая армия к утру двинулась на Дорогобуж. Французы вошли в пылающий Смоленск. Бригадный генерал Сегюр, проезжая по разбитым улицам, меж развалин и пепелищ, шептал в необычайном смятении: «Зрелище без зрителей, победа почти бесплодная, слава кровавая... И дым, окружающий нас, будто единственный результат нашей победы...»

Впереди ещё ждали упорные тяжёлые бои генерал-майора Тучкова Четвёртого с авангардом маршала Нея, и кровопролитное сражение у Валутиной Горы близ реки Колодни. Тысячи павших, кровь и смерть, и пороховая гарь. Но всё-таки армия уходила. Сохранённая армия уходила – для Кутузова, для Бородинского сражения. Для голодного гона французов по Старой Смоленской дороге, для последнего пинка через Березину. Для полного разгрома «Великой армии» Наполеона...

– Сворачивайте активность хронокластера, альфа, – прошелестело прямо в мозг оператора. – Единственную уязвимую точку во всей этой истории мы благополучно просрали. Объясните хоть вы мне, альфа, какого дьявола всё это было нужно «Танго»? Ради чего было терпеть столько унижений? Тащить на плечах такой груз? Чёртовы русские, их никогда невозможно понять до конца...

Иногда начальника Стратегической службы хроновоздействий, скрывающегося под позывным «омега», пробивало на философские размышления. И было это признаком – оператор знал – крайнего разочарования.

– Да, сэр... – промямлил оператор. За десять часов дежурства на станции активного хрономешательства он вымотался до крайности.

– Что «да»? – безнадежно вздохнул «омега», и оператору показалось, что под черепом у него пронёсся лёгкий ветерок. – Вы тоже ни черта не понимаете, альфа. Они снова переиграли нас. И тогда, триста лет назад, и сейчас. Отключайте кластер, ваше дежурство окончено.

– Слушаюсь, – с облегчением отозвался оператор.

– Дело сделано, четвёртый, – голос из динамика выражал спокойное удовлетворение. – Вероятностные линии имеют нужное направление и напряжённость, поле стабильно – отключайся от объектов. Хрен им, а не ключи от Москвы!

Начальник Отдела темпоральной разведки Генштаба крайне редко позволял себе шутки, оператор оценил это. И слегка подыграл:

– Ключи – тогда или сейчас, первый?

– И тогда, и сейчас, сынок. Они снова сломали о нас зубы. Это было уже много раз, но сегодня я рад, что мы с тобой в этом поучаствовали. Выключай аппаратуру. Три дня тебе увольнительных. Для восстановления...

– Слушаюсь, – облегчённо выдохнул оператор. Он безумно устал за эту смену.

Тухли экраны и мониторы, исчезали бегущие строчки цифр и кривые графиков. Повинуясь мысленному посылу, кресло скользнуло прочь от пульта, но в руке оператора остался лист бумаги, что лежал перед ним на панели управления. Бумажный носитель – смешно! В наш-то век высочайших технологий – просто смешно! – лист бумаги. С буквами:

Из письма М. Б. Барклая-де-Толли жене. 11 сентября. Красная Пахра.

«...Меня нельзя упрекнуть в безучастности, потому что я всегда откровенно высказывал свое мнение, но меня явно избегают и многое скрывают от меня. Чем бы дело ни кончилось, я всегда буду убежден, что я делал всё необходимое для сохранения государства, и если у его величества еще есть армия, способная угрожать врагу разгромом, то это моя заслуга. После многочисленных кровопролитных сражений, которыми я на каждом шагу задерживал врага и нанес ему ощутимые потери, я передал армию князю Кутузову, когда он принял командование в таком состоянии, что она могла помериться силами со сколь угодно мощным врагом. Я ее передал ему в ту минуту, когда я был исполнен самой твердой решимости ожидать на превосходной позиции атаку врага, и я был уверен, что отобью ее.

...Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита – это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни».

Далия Трускиновская. Ничей отряд

– Плохо, – сказал Яшка, – и даже очень плохо.

Плотные листы с эскизами он отбросил с такой брезгливостью, что только драматическому актеру стародавной школы сыграть впору, а Яшка был хоть и артистом, но цирковым.

– Почему? – удивился художник, невысокий плотный чернявый дядька лет пятидесяти; судя по округлившимся глазам, он ждал комплиментов.

– Потому что это не цирковые костюмы. Это скучно! Это картинка для учебника истории. А мы артисты! Вот что это за штаны?

– Это чикчиры.

– Это кальсоны. Как у моего покойного деда. А в цирке штаны должны быть нарядные! А то зритель подумает – в чем репетировали, в том и на манеж выперлись.

– Вам требовался гусарский костюм!

– Мне требовался цирковой гусарский костюм! Цирковой!

В общем, разругались в пух и прах.

Когда художник, обозвав Яшку безграмотным кретином, собрал свои листочки и хлопнул дверью, Яшка тосковал недолго. Во-первых, время подстегивало – через полтора часа на манеж, а во-вторых, он знал, как решить проблему. Собственно, он это с самого начала знал...

В вагончиках, где жили артисты цирка шапито, было жарко и душно – они стояли на самом солнцепеке. Поэтому Яшка принимал посетителя в одних трусах. Одеваться страх как не хотелось. Он знал, что еще успеет взмокнуть в синтетическом костюме.

Натянув тускло-синие лосины, из-за которых вся эта катавасия и началась, сунув ноги в короткие сапожки, а доломан с облупленными золотыми шнурками перекинув через плечо, полуголый Яшка запер раздевалку и пошел на конюшню. Вот там-то и ожидал его серьезный разговор. Более чем серьезный...

Яшка влип. И случилось это из-за его фантастической красоты. Когда в придачу к стройной фигуре, широким плечам, росту под метр восемьдесят и талии – семьдесят, если на пустой желудок, наездник-сальтоморталист имеет точеный профиль, вороные кудри и натуральные зубы белее всякого жемчуга, то и к бабке не ходи – ввергнут его девки во всякие безобразия. То есть всякая, впервые его увидев, мысленно произносит одно лишь роковое слово: «Мой!»

Как-то так сложилось, что цирковые конюхи, как правило, девчонки. Или женщины постарше, но с ними лучше не связываться – пьют, заразы. Девчонки-то приходят в цирк ради романтики, а женщины романтикой уже переболели и, разуверившись в своем светлом будущем, глушат тоску водкой.

Так вот, Яшка был руководителем группы наездников-сальтоморталистов из четырех человек, сам – пятый, имел в хозяйстве шесть лошадей, и этот конско-человеческий коллектив держался уже по меньшей мере четыре года без изменений. Быть начальником ему нравилось, и тем, что судьбы четырех артистов и конюха, а также лошадей, полностью от него зависят, он даже наслаждался. Но конюхи у него дольше полугода не застревали. Всякая дурочка, обалдев от Яшкиных зубов, сперва пыталась стать ему боевой подружкой, потом проникалась злостью и, наконец, стремительно покидала Яшку навеки. А ему приходилось давать объявления и впопыхах искать нового конюха.

Собственно, их должно было быть двое. Но Яшка посидел с калькулятором, поворчал и понял, что второй конюх для коллектива – идиотская роскошь. Подседлать коней перед представлением, поводить их до и после, расседлать, задать корм и сами наездники прекрасно могут. К тому же две девчонки в коллективе – это двойной геморрой, одна-то уж точно за

самим Яшкой бегать начнет, но вторая ведь по такому случаю возьмется плести интриги. Хотя если вторая догадается женить на себе кого-то из парней, то останется в коллективе навеки, а первую можно будет выпроводить. Только, пока это случится, придется платить двум конюхам сразу, а денег у Яшки не густо.

Потому он и не заказывал новые костюмы коллективу, что сэкономил. Но две недели назад директор цирка шапито Соловьев демонстративно оглядел его после выступления с головы до ног и сказал:

– Яша, твои штаны выглядят так, словно ими на вокзале полы мыли. Пошей наконец, раскудрить тебя и раздолбать, приличные костюмы!

На конюшне ждала конюх Таня. Разговор предстоял неприятный, а куда деваться?

– Я взяла билет на послезавтра, – сурово сказала Таня. – И мне плевать, есть для меня замена или нет для меня замены.

– Давай разберемся по-человечески, – предложил Яшка. – Я дал объявления, я все столбы вокруг цирка обклеил. Как только появится человек – ты свободна, и я сам тебе дорогу домой оплачу. Хотя зря ты это...

– Хватит! Я так решила!

Яшка шарахнулся – Таня была девица крупная, плечистая, а в драных трениках, старом тельнике и с вилами в руках – еще и страшная. Ну как пырнет? Навозные вилы – это гарантированное заражение крови...

Как вышло, что она стала его подругой и два месяца исполняла все обязанности хорошей жены? Ну, как?!? Ведь закалялся встречать в романы с конюхами! Объяснять в общем-то хорошей девчонке, что не созрел для брака и семьи, – малоприятное занятие...

– Я так понимаю, что деньги тебе предлагать бесполезно, – сказал Яшка. Это был дипломатический ход – теперь Таня должна была ответить: «Смотря какие деньги». Но Яшкин кошелек был спасен самым неожиданным образом – в воротах конюшни возник Соловьев и с ним – незнакомая, но очень эффектная миниатюрная молодая блондинка.

По случаю жары она была в коротком сарафанчике и в хитросплетенных босоножках, которые делали ее выше чуть ли не на пятнадцать сантиметров. Цирковые обычно хорошо одеваются, любят принарядиться, и фамильные драгоценности в цирке – явление нормальное. Яшка сразу оценил дорогой прикид. Но он знал цену своей мускулатуре, своей осанке и своему лицу.

– По твою душу, Каллаш. Катя, это тот самый гусар и есть.

– Добрый день, – сказала блондинка, с интересом глядя на голого по пояс Яшку. – Есть деловое предложение. А это – те самые лошади?

– Те самые, – подтвердил Яшка. И с превеликой радостью убрался с конюшни – словно бы забыв надеть доломан в рукава. Пусть Катя полюбуется...

Предложение оказалось хорошим – сняться вместе с ребятами в рекламном ролике. Сперва в гусарских костюмах проскакать по природе галопом, с простенькими трюками, потом сыграть сценку и изобразить сверкающую улыбку с большим фуфырем пива в руках. Затея объяснялась названием пива – «Бородинское».

– Ты новые костюмы заказал? – спросил Соловьев. – Хотя бы эскизы?

– Этот художник – он не цирковой, – прямо сказал Яшка. – Гонору – на целый Эрмитаж, а сам передирает картинки из исторических книжек. Другой нужен.

– Срочно нужен, – поправила Катя. Она представляла ту студию, которой пивоваренная компания заказала ролик, и всяко показывала свою принадлежность к великому и ужасному миру киношников.

– Мы, правда, потеряли время, но ведь Сорокина работает быстро. Ну, приплачу за скорость. Сейчас ей и позвоним.

– Кто ж тебе виноват, что взял не циркового? – полюбопытствовал Соловьев. – Говорили тебе – сразу звони Сорокиной, она не подведет. А ты?

Яшка развел руками. Виноват был, конечно, он сам, но – пополам с Игорьком Даниловым. Игорек, самый маленький из наездников, классический «верхний», венчающий пирамиду из четырех человек, стоящих на бегущем рысцей тяжеловозе Маське, коллекционировал оловянных солдатиков и возил за собой по городам и весям целый чемодан этого добра. Приезжая в город, где предстояло проработать хотя бы неделю, он первым делом бежал на местный блошинный рынок. Однажды экспедиция кончилась плохо – торгуясь с каким-то дедом и убалтывая его в ближайшей пивнушке, наездник подцепил вшей и поделился ими со всем коллективом, крику было много. По своим коллекционерским каналам Игорек, когда приехали работать в Вязьму, вышел на художника Шульмана – великого знатока униформы всех армий, и почему-то решил, что рисовать новые костюмы для номера должен только этот старый зануда. Яшка в неудачную минуту выслушал аргументы и дал добро. Ну и вот – зря выброшенные деньги...

Сорокина отозвалась с готовностью. Старуха на своем веку одела целую дивизию цирковых, и ей не приходилось объяснять простые вещи. К тому же она выучилась пользоваться Интернетом и могла прислать эскизы по электронной почте. Столковались насчет гонорара, и Яшка, довольный, что одной проблемой меньше, уговорился с Катей о важных деталях и помчался на конюшню. Времени оставалось – с гулькин нос.

Игорек, Саша и Влад уже были на конюшне, водили лошадей – Руську (по бумагам – Рубин), Гошку (по бумагам – Гиацинт) и Хрюшку (по бумагам – Хризолит). Сюська (по бумагам – Сюрприз) и Серый (по бумагам – Калиостро, но наездники ничего уменьшительного из клички не извлекли, прозвали по масти) стояли в стойлах. Мишаня где-то задерживался. Таня сидела возле огромного Маськиного панно, весом в сорок кило, которое громоздят на конскую спину, чтобы получилась необходимая для трюков ровная площадка чуть ли не в два квадратных метра, и подшивала отпоровшуюся бахрому к вальтрапу – здоровенному чехлу, прикрывавшему бока и круп лошади. В последние недели вальтрап с панно ни разу не снимали – возни с ним было минут на сорок, решили сэкономить время. Вид у Тани был угрюмый.

– Ты не поверишь – у нас новый конюх, – шепнул Яшке Влад. – Вон, вон, смотри – Сюську кормит. Во чудак...

И точно – стоял возле стойла долговязый светловолосый парень и очень осторожно, на предельно вытянутой руке, подносил к Сюськиному храпу огрызок яблока. Сюська тянулся, показывая крупные желтые зубы, а парень руку отдергивал. То есть – с лошадьми он до сих пор дела явно не имел.

Яшка подошел, похлопал новое приобретение по плечу. Парень быстро повернул голову.

– Я Каллаш, руководитель номера, – строго сказал Яшка.

– А я по объявлению...

Новый конюх был на вид странноват: тонок и плечист, при этом – с совершенно детским лицом, на котором навеки отпечаталась растерянность обиженного младенца. И голубые глазищи, и приоткрытый рот...

– Раньше ухаживать за лошадьми не приходилось?

– Нет, но я... я научусь! – пылко пообещал парень. – Я всю жизнь мечтал! Возьмите меня, пожалуйста! Я справлюсь!

– Хм... – ответил ему Яшка.

– Справлюсь!

– Обязанности такие – ночевать при лошадях в шорной, утром кормить, поить, готовить к репетиции. После репетиции – шагать. Потом пять часов свободных. В шесть быть

на конюшне, готовить лошадей – гулять, шагать, чистить, седлать. Потом, во время номера, принимать в форганге и выкидывать на манеж. После представления еще пара часов свободных. Выходные – понедельник, вторник, среда. В эти дни только кормить, поить и немного шагать. Но в понедельник и вторник мы, если что, сами справимся.

– И ночевать?

– Да. Мало ли что – вон в Костроме шапито работало, так ночью какие-то сволочи конюшню подожгли. Если бы дежурный конюх коней не успел вывести... ну, ты понимаешь...

– Да...

– Но это – только пока мы здесь. Из Вязьмы через три недели поедem в Калугу, будем работать в шапито вместе с Воробьевыми, а у них в номере медведи, козы и лошади, так что есть свой конюх. Можете с ним по очереди в конюшне ночевать. Как тебя звать?

– Никита! – восторженно отрапортовал парень.

Вариант был не лучший, но хорошо, что впопыхах хоть такой нашелся. Яшка повернулся к Тане.

– Всё в порядке, ты можешь уезжать. Зайдешь потом ко мне, оформим полный расчет.

– Хорошо, – буркнула Таня. На самом деле уезжать ей не хотелось.

– Сегодня поучи новенького, расскажи ему порядок номера.

Дальше события развивались стремительно.

Таня, как и следовало ожидать, соврала – никакого билета на послезавтра у нее не было. И хуже того – у нее в троллейбусе сперли документы. На самом деле или нет – Яшка докапываться не стал. И вообще старался с ней в беседы не встречать. Ходит по вечерам, учит Никитку – и ладно.

Сорокина через два дня прислала эскизы. Яшка ахнул и письменно расцеловал старушеницу:

– То, что надо, тетя Лена, то, что надо!

Гусары на ее картинках были изумительны – в лазоревых доломанах, расшитых шнурами и блестками, в киверах с высоченными плюмажами (они всё равно только для торжественного выхода, не родился еще болван, чтобы делать сальто-мортале с галопирующей лошади на манеж в кивере), в золотистых лосинах, имеющих не просто богатый, а царственный вид.

Яшка на выходных повез свою команду в Москву, в театральную мастерскую, где опытейшая тетя Люба, ровесница Сорокиной, которой тоже была обещана надбавка за срочность, сняла с наездников мерки и засадила за работу своих молодых помощниц. Сшить – это бы еще было полбеда, главная беда – расшить шнурами, блестками и камушками, но всякий цирковой умеет держать в руках иголку, и наездники тоже.

Определившись со сроками, Яшка позвонил Кате, чтобы назначить время съемок и заказать фургон. И так ловко всё получилось, что одновременно Тане выдали справки, заменяющие утраченные документы, Катя мобилизовала на нужный день съемочную группу, а костюмы оказались полностью готовы. Разве что гусарские ботинки не успели заказать сапожнику, но и старые, если их начистить, сойдут.

Но не бывает же бочки меда без ложки дегтя. И деготь шлепается в бочку именно тогда, когда качество меда наилучшее.

Съемки были назначены на понедельник. А на вечернем воскресном представлении, когда Тани уже не было в цирке, перед самым началом Никита подошел к Яшке и, сильно смущаясь, сказал:

– Вы знаете, я псих. Нет, честное слово, псих. Я не сам придумал – у меня справка есть.

– Ну и что? – спросил ошарашенный Яшка.

– Я один не справлюсь. Я ничего не запомнил, а Тани нет...

И впрямь – запомнить порядок номера человеку, далекому от искусства, сложно. Допустим, принять лошадь с манежа – не проблема, но когда и которую подавать на манеж?

Ужаснувшись, Яшка побежал искать бумагу и авторучку – соорудить для Никиты шпаргалку. Четверых подчиненных он предупредил, и хоть на нервах – а номер отработали. Только в последнюю минуту стряслась беда.

Саша так неудачно соскочил с Маськи, что пришлось вызывать «скорую». Связку он не порвал, только хорошо надорвал, но врач прописал гипс и неподвижность.

Саша был самый крупный из наездников, работал «нижнего». Заменить его было нечем, и Яшка должен был перестроить номер, убрав связанные с Сашей трюки. Это – тот еще геморрой, а из трех свободных дней, когда всё можно было решить на репетициях, один уже был назначен для съемок. И именно завтрашний.

Яшка позвонил Кате и обо всем рассказал.

– Ну, придумайте что-нибудь, посадите на лошадь кого-нибудь другого! – велела Катя. – Мне нужно пять гусаров в кадре, понимаете? А вообще лучше шесть. У вас же там шесть лошадей?

– Нас только четыре.

– Ну, я же говорю – придумайте что-нибудь!

Хорошенькое дело – придумайте... Никиту в седло сажать – так он на первых же тактах галопа свалится... Звать на помощь ребят из других номеров?..

Яшка, перебирая в памяти кандидатуры, поплелся на конюшню – присмотреть за психом со справкой. И очень удивился, обнаружив там Таню.

Она держала кое-какое свое имущество не в цирковой гостинице, а в шорной, под рундуком. И вот именно на ночь глядя ей втемяшилось прийти за своими тряпочками и коробками!

– Тань, хочешь сняться в кино? – спросил Яшка. – Есть возможность, и платят неплохо.

Естественно, она заинтересовалась. А Яшкины соображения были просты – Танька рослая, ей Сашин гусарский костюм будет почти впору, даже грудь поместится, и ездить верхом умеет – сам ее выучил. Опять же – в этой аванюре удастся обойтись без посторонней помощи.

Идея Тане понравилась.

– Только где мы сейчас достанем усы? – спросила она.

Все пятеро наездников до того дошли в своем гусарстве, что и усы себе отрастили. Яшке они шли невероятно, а вот у белобрысого Мишани вырасти что-то выросло, но оказалось почти прозрачным, палец ощущал волоски, а взор – нет. Пришлось купить дешевую тушь для ресниц и перед каждым выступлением усы красить. Естественно, фальшивых усов у ребят не было.

– А нарисуем, – предложил Яшка. – Такие махонькие, как у пацана. Как у меня в пятнадцать лет были.

Пошли в примерку, Таня примерила доломан и чикчиры – вроде было нормально. Потом Яшка показал ей, как пристегивают ментик и ташку (детали для цирка совершенно ненужные, но выход должен быть великолепным!), нахлобучил ей на голову кивер и остался доволен: гусар получился классный.

Потом Яшка пошел вправлять мозги психу со справкой. Его решили взять с собой на съемки – все-таки уже малость обвыкся с лошадьми, может пригодиться.

Фургон был подан в шесть утра. Наездники-сальтоморталисты завели туда лошадей, Игорек с Никитой при них и остались, прочих Яшка посадил в свою «ауди».

Утро было изумительное – солнечное июньское утро. И день оно обещало ясный. Выехав из Вязьмы, фургон, «ауди» и микроавтобус съемочной группы взяли курс на Максимково. Там Катя присмотрела нужный пейзаж – имелся холм, на который выедут всадники

(привет от фильма «Властелин колец»), имелся поворот дороги, на котором оператор снимет несущихся гусар крупным планом. На холм напознала рощица. В ней нужно было стоять с лошадьми и ждать сигнала.

– А вы по тропке езжайте, – напутствовал местный житель, примкнувший по знакомству к съемочной группе. – Вон там, за поворотом, примите влево, и тут вам будет просека. По просеке метров двести, и там уже сквозь деревья увидите поляну. И с поляны – как раз рощицей на холмик...

– Понял, – сказал Яшка. – Ну, Катюша, мы пошли. Гусары, за мной.

Все наездники уже были одеты, в меру подгримированы, Таня – с черненькими усами. Никита поправлял на лошадях вальтрапы и очень суетился, желая угодить. С седловкой вообще вышла нелепица, о которой ни Яшка, ни Катя заранее не подумали. В хозяйстве наездников-сальтоморталистов было много всякого добра, не было только обычных седел – хотя бы спортивных. Да и на что они людям, умеющим брать барьеры, стоя на конской спине и радостно улыбаясь? Решили, что и нарядных вальтрапов хватит – и хорош цирковой, не умеющий проскакать полтора метра без седла и стремя!

Взяли на пятерых наездников и одного конюха шесть лошадей, включая тяжеловоза Маську. Его огромная бледно-рыжая морда чем-то понравилась Кате. Игорек предложил выпить Маське фуфырь «Бородинского», но Катя отвергла идею.

Кто ж мог знать, что на тяжеловоза положил глаз Никита?

Катя что-то втолковывала оператору и вслед гусарам не глядела. Яшка на вороном Рубине шагом поехал по тропе, не оборачиваясь, ребята и Таня – следом. Замыкал кавалькаду Мишаня, а он был глух на левое ухо – результат давней драки и перелома челюсти. Вот и вышло, что он не услышал Маськиных шагов.

Повернув в нужном месте налево, Яшка окинул взглядом кавалькаду и охнул. Никита, счастливый как дитя, трюхал сзади на Маське, держась за гриву, и полностью соответствовал принятому у наездников определению: как собака на заборе.

– Стой! – крикнул Яшка и подъехал к психу со справкой.

Псих покорно выслушал нагоняй и обещал вернуться к съемочной группе. Но пять минут спустя оказалось, что Никита всё же едет следом. Аргумент был простой:

– Он меня не слушается!

И точно – Маська вел себя, как всякая нормальная лошадь: куда все – туда и он. А поскольку тяжеловоза взнуздали только недоуздом, то и управлять им было мудрено.

– Черт бы тебя побрал, – сказал Яшка. – Эта холера ведь за нами и на холм попрется. Слезай, привяжи его к дереву и стой с ним, пока мы тебя не заберем.

– К какому дереву? – спросил псих со справкой.

Наездники уже были на просеке, она оказалась десятиметровой ширины, и деревья вдоль нее стояло – ну, тысячи три по меньшей мере.

– Вон к тому, – распорядился Яшка. – Кончайте ржать. Человек задал конкретный вопрос...

Оставив Никиту, проехали метров двести и действительно увидели просвет между стволами. Послав лошадей напрямик через кусты, выбрались на поляну. Вот только рощицы и холма за ней не обнаружили.

– Мы рано вылезли, – догадался Влад. – Проедем еще немного вперед...

Но впереди оказалась ложбина, поросшая еловым сухостоем.

– Стой, стой, стой! – зазвенело сзади. Минуты две спустя кавалькаду нагнал Маська.

– Упустил... Ну что ты с психом станешь делать?.. – риторически спросил Яшка.

– Уволить, – подсказал Игорек.

Никита меж тем гнался за Маськой с криками: стой-стой-стой! И прибежал-таки к наездникам.

– Веди его в поводу, если привязать не в состоянии, – распорядился Яшка. – Ну, мы, кажется, заблудились. Сейчас позвоню Катерине...

Но мобильник странным образом вырубился, хотя с вечера был заряжен. Второй мобильник имелся у Влада, но и он показал лишь тусклый экран.

– Нужно выехать на холм, чтобы они нас увидели, – предложил Мишаня. – А мы их.

– А где он, холм? – спросил Влад. – Это тебе не холм! Это вообще болото какое-то...

– Ребята... – прошептал Игорек. – Вы посмотрите... Нет, вы посмотрите...

– Что еще? – Яшка повернулся к Игорьку. Тот вертел головой, стараясь взглядом указать на ужасные несообразности. Яшка не сразу понял, в чем дело, а когда до него дошло – рот сам собой приоткрылся.

Уже когда выводили коней из фургона, Яшка предупредил наездников: чертовы скоты могут обалдеть от природы и, стряхнув всадников, рвануть на поиски приключений, так чтоб смотреть за ними строго. Потому что ловить ошалевшего коня по всем окрестностям – радость сомнительная. Конь-то будет, захмелев от кислорода, носиться, взбрыкивать и радоваться жизни, презирая оклики и грозные обещания. А ты-то будешь гоняться за ним на своих на двоих, не зная местности, проигрывая в скорости и не имея даже веревки, чтобы набросить петлю ему на шею.

Природа была именно такая, от которой можно было временно лишиться рассудка и вечно запертому в цирке коню, и городскому человеку: солнечное и душистое июньское утро. Воздух был свеж и прохладен, но прохладой хмельной, которую хочется вдохнуть в себя, впустить в душу – и замереть от восторга. Зелень вокруг была еще молодая, чистейших оттенков, чуть ли не сияющая. И чуть колыхались высокие луговые травы, и Таня затосковала о венке из ромашек...

А та листва, которая испугала Игорька, уже словно пылью покрылась, сделалась тусклой и даже на вид жесткой.

– Вот, вот... – Влад ткнул пальцем в березу, одну-единственную на краю ложбины. Среди свисающих веток было несколько совершенно желтых.

– Ребята, это только мне кажется? Или вы тоже видите? – спросил он.

Вскоре заметили и опавшие красно-желтые листья на земле, и поспевшие орехи на лещине. Проехав по краю ложбины, нашли дикую яблоньку, покрытую плодами.

– Это что же, выходит, получается? Осень? Сентябрь? – Яшка глазам своим не верил, однако не одни глаза изумляли – и нос опознал осенние прелые запахи.

– Яша, возвращаемся назад! – вдруг заорал Мишаня. – Назад, слышишь? Это зона! Это просто какая-то зона! Помнишь, по телику показывали?

– Назад! – подтвердил Яшка. – Мишаня, ты последний ехал, разворачивайся. Соображай! Да психа не забудьте! Никита, залазь на Маську!

Псих со справкой оглядел наездников каким-то совсем бессмысленным и туманным взглядом.

– Идиот, ты чего ждешь? – напустился на него Игорек. – Решил тут остаться? Ну, живо! Живо!

Никита вскарабкался на тяжеловоза и сел, свесив длинные ноги самым непотребным образом – они болтались, как у тряпичной куклы. Но наездникам было не до смеха. Кавалькада поспешила назад – туда, где за кустами была просека. Но ее не нашли, хотя потерять целый коридор десятиметровой ширины и примерно трехкилометровой длины затруднительно. По Яшкиным соображениям, где ни сверни и куда ни сунься – просеки не минуешь. А вот же сгнула, проклятая.

– А всё ты, всё ты! – вдруг заголосила Таня. – Кино ему подавай, съемки ему подавай! Кинозвезда, блин!

Ругаться цирковые конюхи умеют знатно. Таня никогда не изображала из себя светскую даму викторианской эпохи, разве что при попытке удержать Яшку как-то контролировала свой лексикон, и то не сама додумалась, а пожилая дрессировщица Шкатова вправила ей мозги. В ругани был какой-то особый, как ей казалось, шик – изматерить норовистую лошадь, да еще и пнуть ее, означало показать себя крутой хозяйкой жизни. Но сейчас Таня промахнулась – наездники, врубившись, что началась истерика, дали ей сдачи, да еще и пригрозили бросить одну в лесу – пусть выбирается, как хочет.

– Держимся вместе, никто не отстает! – приказал Яшка. – За психом присматривайте. Пропадет – нам отвечать.

– Я не пропаду, – вдруг сказал Никита. – Вон там – Сабанеевка. И на горке – господская усадьба.

– Какая тебе Сабанеевка? – возмутился Влад. – Что там тебе мерещится?

– Усадьба, а за ней сад и пруды, – уверенно произнес Никита. – Каскад прудов – верхний, средний, нижний. И, как ехать к Колпину, барские конюшни. Сейчас выведу...

И точно. Послав Маську не туда, где чаяли найти просеку, а совсем в другую сторону, Никита привел наездников на лесную опушку. Усадьба-то оттуда была видна, да только она горела, и к небу поднимался густой черный дым.

– Откуда ты про нее узнал? – напустился Игорек на Никиту. – И какого черта ты раньше молчал?

– Я не молчал. Я говорил, только вы не слышали.

Это было странно – однако возможно. Кому в такой катавасии охота прислушиваться, что там бормочет себе под нос псих со справкой.

– Едем туда. Если усадьба – значит, чья-то. Там люди живут, и наверняка уже пожарную машину вызвали, – предположил Влад. – Возьмем там у кого-нибудь мобильник, а местные потом покажут дорогу.

– Точно, – согласился Яшка. – До усадьбы километра полтора, не больше. Пошли...

Нашлась дорога, вела она под уклон, пожарище скоро пропало из виду, и тогда Игорек, встав на плечи к Мишане, стал докладывать обстановку.

– Машины никакой нет, – говорил он, – вообще никакой. А люди бегают. Ой, ребята, да там же колонна марширует! Пехота! Не меньше двух рот! Ребята, они... они в каких-то старинных мундирах... Погодите, сейчас опознаю... погодите... куда я его сунул...

– Ты чего там дергаешься? – спросил Мишаня.

– Мобило ищу, надо в Инет сбегать... Мундиры темно-синие, обшлагаи красные... белые портупей... кутасы красные, султан на кивере красный, то есть помпон, он круглый... Видел же я их, видел!..

– Да не работают же тут мобилы!

– Так в лесу не работали. А тут, может, покрытие...

Проверили – никакого покрытия сетью не было, аппараты молчали. Игорек сильно расстроился – он хотел выйти на ресурсы приятелей-коллекционеров, где были точные рисунки всевозможных мундиров.

– А на глазок – какое это время?

– На глазок, ребята... – Игорек приложил руку к бровям, сделав козырек. – Ой, на глазок это плохое время. Наполеоновские войны. А что, если это реконструкторы дурака валяют? Реконструируют какой-нибудь исторический бой у деревни Черная Слякоть?

– И усадьбу они подожгли?

– Какая усадьба?! Сарай какой-нибудь, чтобы выглядело правдоподобно... чтобы войной пахло... Они такие штуки любят!

– Это имение Полянских... – отрешенно сказал Никита. – Еще при покойной государыне господский дом и службы ставили... Нарочно – на холме, и там еще вышка была, с нее старый барин в трубу на звезды смотрел...

– Ты что такое несешь? – спросил Яшка. – Какие еще Полянские?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.